

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 3/39

МАРТ 1937 г.

№ 3/39

СОДЕРЖАНИЕ :

Кризис и вооружения. Вне социализма.

Андрэ Тамаш. — Венгрия и ее домогательства.*З. Авашивили.* — Из истории кавказской политики.*Ш. Амирджоби.* — Роль людей и условий в истории.

** — Проблема очага и семьи в СССР.

В. Цицишвили. — В поисках доктрины.*В. Оленни.* — Несколько слов о грузинской поэзии.*Ген. Муса Паша Курдухов.* — Воспоминания.*Александр Диановский.* — Лиран.*Обзор печати.**Хроника.**Библиография.***КРИЗИС
И ВООРУЖЕНИЯ.
ВНЕ СОЦИАЛИЗМА.**

Повидимому, война еще покуда является необходимым элементом экономической жизни человечества. Те годы, когда под влиянием успокоительных речей и гипноза миролюбивых соглашений стали ощутительно сокращаться военные бюджеты государств, как раз и оказались годами тяжелого для всех экономического кризиса, годами прогрессивно растущей безработицы и опасного сжатия торговых оборотов. Достаточно было одной только веры в возможность мирного разрешения государственных конфлик-

тов, в успех всяких конференций по разоружению и эфемерных пактов, связанных с именами мечтателей и пацифистов, чтобы ощутительно нарушилось былое равновесие производства и потребления, чтобы стали катастрофически падать мировые цены, товары не находили сбыта, а десятки миллионов людей зачислялись в категорию безработных паразитов.

Но вот горизонт омрачается грозвыми тучами неизбежных бурь. На смену успокоительным речам Бриана, Штреэемана, Макдональда, на смену полным самоуслады мирным манифестациям Лиги Наций, начинают

...

раздаваться совсем иные, грозные оклики. Переворачивается страница истории, отходит в прошлое целая эпоха благих порывов, сами эти деятели умирают и сходят со сцены, — период прекрасных слов и мечтаний сменяется новой эпохой воли и действия. Уже на Дальнем Востоке давно поблескивали молнии, а вот и в самом центре европейского мира, в его Средиземном море, стали глухо раздаваться громовые раскаты, повторенные эхом и в Африке, и у берегов Ламанша, и на Рейне.

Война? Нет, еще не война, во всяком случае пока далеко не всеобщая, — это только колониальные экспедиции, стратегические передвижения, только, так сказать, проба сил, подготовки, энергии, уверенности. Но какой жестокий приговор недавнему прошлому, — приговор, вынесенный реальными требованиями жизни, — приговор над красноречием и прекраснотушим вчерашнего дня. Надо вооружаться.

И вот экономический кризис начинает одновременно ослабевать. Робко, еле заметно, но все резче и резче с каждым месяцем кривая цен идет на повышение, — точно действительно надо было сделать вливание крови, и первые же ее капли сразу оживили пораженный маразмом миролюбия организм человеческих объединений нашей грешной планеты. Надо вооружаться, — поднимаются цены на сырье, на металлы, минералы и хлопок, — и чем больше ассигнуется денег на военные бюджеты государств, тем в бесстрастных отчетах экономистов все яснее и тверже отмечается несомненное изживание кризиса, столь опасно затанувшего за эти краткие годы вольного и невольного пацифизма.

Война или по крайней мере ее угроза — это пока, повидимому, необходимое условие экономического равновесия в мире.

*
**

Англия долго не хотела расставаться с идеей возможного руководства политической жизнью мира путем того, что уже было достигнуто победным исходом последней мировой войны. Недостаточность и устарелость ее собственного вооружения должны были с успехом дополняться престижем коллективного воздействия такого, казалось бы, авторитетного института, как Лига Наций.

Но авторитетность эта оказалась призрачной, и успех настолько сомнительным, что пришлось отказаться от слишком большого риска действительного вмешательства и воздействия.

И вот теперь Англия широко разворачивает поистине грандиозную программу своего нового имперского вооружения, на которое с места ассигнует полтора миллиарда фунтов. Но многие политические деятели и военные авторитеты уже предвидят, что и эта цифра будет неминуемо повышена на добрую четверть, а может быть даже треть.

В первый же год Англия приступает к постройке трех броненосцев по 35 тысяч тонн, 8-ми крейсеров, 16-ти истребителей и 50-ти более мелких единиц военного флота — подводных лодок, миноносцев, авиоматов, транспортных судов и т. п. Смета воздушного ведомства на предстоящий год на 32 милл. фунтов превосходит нынешнюю, строятся новые моторные заводы, фабрики орудий и снарядов, — словом, все промышленное напряжение страны направлено в сторону обновления и возрождения военной мощи. Интересно при этом отметить, что сухопутные силы Англии, совершенно ничтожные в мирное время, почти не увеличиваются. В этом надо несомненно видеть залог того, что, по крайней мере, нынешнее правительство, не предполагает менять обычной английской политики в

отношении европейского континента. Конфликты, так сказать, сухопутного характера на отдаленных от британских островов просторах центральной и восточной Европы не вызовут, конечно, экспедиционного вмешательства. Флот и авиация — это, прежде всего, обеспечение собственной безопасности, — затем — имперских путей и связанного с ними мирового великодержавия, которое нигде не должно быть ущемлено.

Но все же отсутствие сухопутной армии представляет, конечно, слабую сторону программы английского полуторамиллиардного вооружения. Хороший экспедиционный корпус, и даже несколько корпусов — могут понадобиться Англии не только, чтобы защищать Чехословакию или Украину. Но до обязательной воинской повинности дело еще не дошло, и решиться на такую реформу какому угодно английскому правительству, пожалуй, не только не легко, но даже пока невозможно.

В человеческих кадрах лежит вообще главная помеха для английского военного возрождения и его неодолимой финансовой мощи. Англия, конечно, может затратить на свое вооружение такие колоссальные суммы, которые недоступны другим соперничающим с нею странам, но она не располагает и не может располагать необходимым контингентом военно-подготовленного населения, — и моральная и даже техническая подготовка достаточного количества нужных кадров не может быть куплена на завтрашний день самыми щедрыми ассигнованиями парламента. И вообще в этом отношении самая система материального соблазна, практикуемая в Англии, едва ли в состоянии противостать серьезному воинскому воспитанию молодежи, а расчет на личный героизм и чувство долга покоится на слишком индивидуальной базе, узкой по сравнению с нынешней коллективной организацией воинских обязательств.

*
**

Вот почему на многомиллионные английские ассигнования главный фашистский совет Италии ответил сразу усилением военной подготовки своего населения — проведением полной милитаризации всех активных сил нации в возрасте от 18 до 55 лет.

Италия ударяет по самому уязвимому пункту английской программы вооружений — по личному ее составу, по ее персоналу, в отношении которого далеко не всецельны грандиозные цифры ассигнуемых фунтов. Тут дело не только в качестве технической подготовки, конечно, тоже очень важной, но и в самом духе военного заката, с детства воспринятого. Италия и Германия, лишенные материальных ресурсов Англии, в своей борьбе за полное политическое равноправие, за место великих держав первого ранга, претендующих на имперский размах, вынуждены воспитывать уже не граждан, а воинов, которым придется прежде всего личными усилиями пролагать государственный путь для своего отечества.

Броненосцы и авионы, бомбы, пулеметы и танки — это само собою, по мере возможного напряжения всех финансовых ресурсов, но главное, чем приходится располагать, и что только одно может уравновесить силы, создавая нечто, за деньги не приобретаемое — это личный состав военных кадров, технически и морально первосортный. От всех вообще — дисциплина и разумное самопожертвование, от ученых — прогресс техники во имя национального дела самоснабжения и самоудовлетворения. Таков ответ Италии.

*
**

Военные приготовления — это главное, что можно отметить в обзоре событий последнего

месяца. Но есть еще другое, очень характерное явление, проступающее все ярче и ярче, — несомненный провал коммунизма, его поражение, так сказать, по всему фронту, в полном мировом масштабе. Еще менее года назад ближайшее будущее могло казаться тревожным и даже опасным, а коммунизм сильным и обольстительным для масс. Теперь настроения совсем не те.

Большую роль сыграли в этом отношении испанские события, и в настоящее время произошел уже значительный перелом в их понимании и восприятии. Сейчас уже не существует, когда именно будет взят Мадрид — теперь весною, или осада еще затянется надолго, — во всяком случае даже те государства, которые еще не признали ген. Франко, принуждены с ним считаться, как с возможным в скором будущем вождем всей Испании, другой объединяющей и авторитетной власти в стране уже нет, — каталанская группа правителей, как и та, что скрылась в Валенсии, уже не в состоянии руководить событиями, приближаясь к тому положению, в каком находится сейчас бывший негус Абиссинии, тоже еще как будто бы официально признаваемый. Добровольцев решено больше на помощь не посылать, да и «пафос» антифашистской борьбы во имя Испании выветривается с каждым днем.

Другим немаловажным фактором коммунистического провала и развала были, конечно, и все те перемены, которые наблюдаются в самом Советском Союзе, и которые несомненно оказывают отрезвляющее действие. С одной стороны расстрелы и преследования старых, заслуженных большевиков, — с другой — правда о социальном неравенстве, о лишениях, о страданиях бедного народа в стране «интегрального воплощения идеалов Карла Маркса» и «диктатуры пролетариата». Эта

правда (вопреки той, что издается в Москве) все яснее и яснее просачивается сквозь пограничный кордон лжи и пропаганды. Российский обман уже разоблачен в значительной степени.

В связи с этим коммунизм, теряющий всякую опору в общественном мнении Европы, уже начинает во многих странах квалифицироваться по своей действительной ценности враждебного государству заговора. Не только в странах диктатуры, но и в такой испытанной и образцовой демократии, как Швейцария, создаются исключительные законы, прямо направленные против коммунизма, ставящие его вне общего гражданского равноправия.

Заодно, конечно, теряет свою устойчивость и родственный ему социализм, поскольку он связывает свою судьбу с «бешеным братом». Интернационалы сейчас не в моде, — совершенно наоборот — живым, действенным национализмом проникается все более и более политика государств, желающих отстоять себя и благополучие своего народа среди нынешних опасностей, политических тревог и забот вооружения.

Интересны в этом отношении государственные общественные движения в Польше. Не только правоверный парламентский строй, уже отмененный покойным Пилсудским, но даже и завещанная им конституция кажется теперь недостаточной для должного государственного объединения среди растущего круга «фашизма». Нужно влить какое-то действительное содержание, нужна какая-то захватывающая активная идеология. И вот полковник Коц, один из младших сподвижников покойного Пилсудского, в котором видят будущего премьера, по полномочию фактического руководителя Польши маршала Рыдзь-Смиглого, создает новое политическое объединение, как консолидацию «всех творческих

сил народа». Защита духовных ценностей и национальной культуры, борьба с коммунизмом и элементами разложения, социальная справедливость и примирение классов. Но ведь это все тот же итальянский «фашизм», новая его инкарнация на польской почве по примеру Аппенин, Пиренеев, берегов Рейна и Дуная.

*
**

«Впе социализма» — вот как можно озаглавить государственные движения в целях выйти на широкий путь возврата к благополучию и нормальным условиям жизни и труда.

Всякая попытка воплотить социализм в жизнь всегда расслабляет и мертвит и, позволив себе этот опыт, приходится возвращаться вспять, исправляя по возможности причиненные повреждения и платя убытки.

Такой именно процесс переживает сейчас Франция. Обычные ее доктрины так называемого «радикализма», доктрины, которые можно назвать во Франции национальными, опять целиком торжествуют в ее финансовой и экономической политике, благодаря той «наузе», какую признал сейчас неизбежной на пути своих реформ сам лидер социалистов и глава правительства «Народного Фронта» Леон Блюм.

Надо отдать справедливость — премьер всегда говорил, что делает политику не свою собственную, не своей партии, а всей выдвинувшей его коалиции, но если раньше коали-

ция эта шла «левым плечом вперед», то теперь заметно выдвигается ее «правое плечо». И десяти миллиардный внутренний заем, уже выпущенный на 8 миллиардов, расписывается и расхватывается, так сказать, на лету.

Казалось бы, хорошо, — но коммунистов это отнюдь не устраивает. Быть мирными свидетелями происходящего — это значит сойти на нет, как политической партии. Вой неизбежен, чему первой иллюстрацией являются кровавые столкновения с правительственными силами в парижском предместьи Клиши, где несколько убитых и очень много раненых.

Но, с другой стороны, разрушить «Народный Фронт» — тоже не в их интересах. Положение «щекотливое».

Все это требует, конечно, анализа гораздо более внимательного для каких либо выводов к будущему, хотя бы и ближайшему, — последствия могут быть серьезны, — но пока мы говорим лишь о дне вчерашнем, да и то, главным образом, об его экономической атмосфере.

Равно также оставляем сейчас в стороне чрезвычайно важный, можно сказать, основной для Европы, а в частности и для нас, для судьбы также и всего Востока — вопрос о «западном пакте», о «новом Локарво», который выдвигается за эти дни на первую очередь. Ответы Германии и Италии вручены, переговоры начались, общая картина положения, если не в деталях, то в основных чертах выяснится в самом скором времени, — тогда мы к этому и вернемся.

Венгрия и ее домогательства

(Окончание)¹⁾

Переходя к доводам, которыми мотивировали расчленение Венгрии, следует указать, что румыны, чехи и сербы требовали этого расчленения на основании якобы права исторического, национального и свободного самоопределения народов.

Что касается исторических прав, то история говорит, что в 896 году, когда венгры прибыли в Европу, они не нашли на этой территории политических объединений с точно проведенными границами. На этой малонаселенной площади жили в перемежку разные народности, спасшиеся от больших нашествий. Население той Венгрии, которую застал Трианонский договор, было результатом венгерской победы. Это этнические группы, которые искали в Венгрии убежища, и найдя здесь подлинную родину, под влиянием венгерской цивилизации сами культурно расцвели.

В Париже венгерская делегация требовала плебисцита, но это заявление было отвергнуто, так как боялись, чтобы население обреченное перейти под чужую власть не высказалось в пользу Венгрии. На единственной венгерской территории (Сопрон), где состоялся плебисцит, население высказалось за Венгрию.

Экономические следствия Трианонского договора целиком говорят в пользу необходимости его пересмотра. После долгих столетий тесного единения искусственный разрыв парализовал экономически эту территорию, и все области бывшей Венгрии находятся в

бедственном положении, как равнины, так и горные районы. Трианонский договор разрушил не только экономическую жизнь Венгрии, но и всей центральной Европы. Чехи окончательно разорили промышленность горной Венгрии, а нищета тех районов, которые по договору отошли к Румынии и Югославии, не поддается описанию.

В настоящее время многие в мире понимают и правильно оценивают жалобы венгров, признавая, какая вопиющая несправедливость была совершена в Трианоне. Понимают они также, что венгры не хотят новой войны, так как есть мирный способ исправить ошибки и несправедливости.

Действительно, пакт Лиги Наций об'являет в статье 19-ой: «Лига может от времени до времени приглашать своих членов для нового исследования договоров, ставших невыполнимыми, а также международных положений, представляющих опасность для общего мира».

Но независимо от этой 19-ой статьи Венгрия может на особом основании потребовать пересмотра Трианонского договора. Достаточно было бы напомнить, в каких условиях был заключен этот договор, который следует сравнить с вердиктом совершенно неосведомленных судей. Судьями мы называем представителей великих держав, которые взяли на себя установить обоснованность претензий тех соседей Венгрии, что требовали стедельных частей ее территории. Делегаты этих соседних стран злоупотребили волей представителей великих держав, введя их в

¹⁾ См. «Кавказ» № 2/38.

заблуждение самыми грубыми приемами. И судьи вынесли вердикт, от которого бы они конечно воздержались, если бы действительно знали все обстоятельства дела. Вот почему Венгрия имеет неоспоримое право на пересмотр своего процесса с вызовом более осведомленных судей. В этом отношении пересмотр Трианонского договора в корне отличается от пересмотра, например, договора Версальского. Пересмотр Версальского договора — это вопрос политический, а пересмотр Трианонского — юридический. Великие державы знали, чего они хотят от Германии, и эту волю облекли в условия договора, но в Трианонском договоре они совершили ошибки, не входившие в их намерения. Пересмотр Трианонского договора требуется не только разумными политическими соображениями, но самым элементарным чувством права и справедливости.

Эта аргументация была к тому же признана самой Францией, которая уже в 1920 г. давала венгерскому правительству известную надежду на возможность пересмотра. Едва высохли чернила на Трианонском тексте, как 24 июля 1920 года верховный французский комиссар в Будапеште г. Фуше, вручил венгерскому правительству ноту, в которой Франция официально предлагала свои посреднические услуги между Венгрией и ее соседями, чтобы, с одной стороны, исправить некоторые несправедливости экономического и этнического характера, а с другой — по-

полнить уже принятые решения, дабы обеспечить положение меньшинств.

Таким образом уже через шесть недель после подписания Трианонского договора официальная Франция признает, что он не может создать дружеских отношений между Венгрией и ее соседями, что он не есть акт неизменяемый, и что его пересмотр может создать в центральной Европе необходимую спокойную атмосферу.

В настоящее время, более чем когда-либо, основываясь на праве самоопределения, венгерское правительство желает достигнуть этого пересмотра. Мысль о нем родилась вместе с самим договором.

Венгерская Лига пересмотра оказала человечеству большую услугу, направляя домогательства венгерского народа по мирному ревизионному пути. Из дипломатического лексикона венгерской политики она вычеркнула слово «реванш», что означает войну, заменив его словом «пересмотр», что означает мир и торжество права. Ревизионистское движение признано сейчас хорошо обоснованным со стороны всех больших умов человечества, и только сторонники войны и искатели «мутной воды» отбрасывают идею пересмотра.

Андрэ Тамаш.

Женевский секретарь
венгерской Лиги
пересмотра мирных договоров

Из истории кавказской политики

4

Шах Аббас и Грузия: Политика железа и крови

В 1612 г. состоялся очередной мир между Персией и Турцией. Было восстановлено равновесие, достигнутое в середине XVI века, во времена шаха Тахмаспа и Солимана Великолепного, равновесие, резко нарушенное Турцией в свою пользу, во время персидских внутренних распрей последней четверти века. Теперь она вынуждена была отказаться от того, что уже потеряла на деле в результате войны: на Кавказе, главным образом, от всего, что составляет нынешний кавказский Азербайджан.

Восстановление и даже усиление персидской власти в Карабаге, Ширване и т. д., должно было в корне изменить положение восточной Грузии. Карталиния и Кахетия испытывали теперь более непосредственное давление могущественного соседа: он не довольствовался простым соседством.

Не следует, конечно, преувеличивать централизованности персидской империи, а, главное, не следует переносить понятий современной государственности и национализма в политические дела начала XVII века на Кавказе. При ограниченности пределов государственного вмешательства в повседневную жизнь, традиционный уклад жизни населения мало в сущности зависел, хотя бы в тех же христианских областях, от персидской государственной власти в те времена, когда грузинские владетели находились в вассальной зависимости от шахов. Обязательного, если можно так сказать, союзничества было

здесь больше, чем настоящей подчиненности.

Беда, однако, заключалась в том, что грузино-персидским отношениям не хватало необходимой устойчивости по целому ряду причин. Имея прямой доступ к персидскому двору, иные грузинские вельможи впутывали Персию в свои раздоры с царями. Власть последних, их авторитет в стране от этого, очевидно, страдали. С другой стороны, даже когда они держались персидского курса политики, им не было основания считать себя простыми ставленниками шахов. Напротив, они являлись хранителями живых исторических традиций грузинского самосознания, еще не утративших корня в народе. Поэтому, была граница, которой они не могли и не желали переходить в сложном деле приспособления своего к факту политического преобладания сефевидовой Персии в восточной части Кавказа.

Надеяться на поддержку извне они не могли. Против Персии не на царство же Московское им было надеяться, в такое время, когда между Москвою и Ираном царилась любовь да дружба. В крайнем случае, они могли, рискуя попасть из огня в полымя, рассчитывать на помощь Оттоманской Империи; и это было с их стороны довольно естественно: кто мог тогда поручиться за долговременность турко-персидского мира, восстановленного, как мы сказали, в 1612 г. А в случае возобновления войны, кто мог предсказать, на чьей стороне будет победа? К тому же, не

только западные части Грузии (Имеретия, Мингрелия, Гурия) продолжали находиться в сфере влияния Турции, но последняя как раз в эту пору окончательно и надолго утвердилась в Ахалцихе, а вместе с тем сохраняла еще доброхотов и в Азербайджане, не говоря уже о Дагестане.

При таком положении вещей, ни шах Аббас не мог считать себя обеспеченным от неожиданностей на своем северном фронте, ни грузинские цари не обнаруживали особого доверия к намерениям шаха. Возникшая на этой почве размолвка и ссора, имевшая глубокие политические причины, очень дорого обошлась Грузии. Своим драматическим характером, несчастиями, обрушившимися и лично на грузинских царей, и на их подданных, борьба эта — ибо скоро дело дошло до открытой борьбы — привлекла к себе общее внимание. Не осталась она без влияния на взаимоотношения Турции и Персии. Поэтому то и отражения ее довольно многочисленны в хрониках и писаниях, посвященных тому времени. В них немало противоречий, и выяснение многих подробностей потребовало бы углубленной критики целого ряда данных. Мы здесь ограничимся, разумеется, лишь общим обзором главных событий.

Началось с того, что молодые цари — Лурсаб Карталинский и Теймураз Кахетинский — приглашенные Аббасом на охоту в Мазандеран, вовсе не пожелали туда отправиться. Обращено было, вдобавок, внимание на их взаимное сближение и на выраженную ими готовность стоять отныне заодно во всех грозивших им невзгодах, что ничуть не отвечало видам персидского правительства обо всем хорошо осведомленного. Возникли подозрения, и нашлись при дворе шаха грузины же, старавшиеся по разным побуждениям эти подозрения усилить. Особенное значение в этом смысле приписывается бывшему правителю

или *моураву* Тифлиса Георгию, из незначительного до того рода Саакадзе. Он рано выдвинулся в Грузии, занял там преобладающее положение, благодаря личной близости к Лурсабу, но потом, в связи с неясной историей об отношениях последнего к его, Саакадзе, сестре, счел себя, мимо или искренне, в опасности, загорелся ненавистью к своему царю, отправился в Персию и там, заслугами и умением своим, добился доверия у Аббаса. По всем данным, это был человек больших дарований, огромной физической силы — вещь далеко не лишняя по условиям тогдашних сражений — и храбрости, а главное, рожденный повелевать.

Как бы то ни было, Аббас счел необходимым предпринять экспедицию в сторону неблагонадежной Грузии. Цари не сочли себя обязанными явиться к шаху на свидание в Карабаг. По настояниям кахетинцев к нему отправилась мать Теймураза Кетевана; с нею были предложенные заложниками малолетние сыновья Теймураза. Одно время казалось, что Аббас удовольствуется таким изъяснением покорности; однако, нет, он решил двинуться к границам Кахетии (в марте 1614 г.). На всякий случай и там были приняты меры предосторожности против непрошеного гостя. Это видно из того, что попереж всей Алазаянской долины, начиная от Мукузани, было устроено заграждение. Однако до войны дело не дошло. Готовности действовать заодно было недостаточно: цари в данном случае не оказались ни государственными людьми, ни полководцами, при всем блеске их рыцарского воспитания. Их политические цели представлялись неясными, а они, казалось, шли на разрыв с шахом. Большинство карталинских вельмож было настроено между тем правдофильски, да и в Кахетии отсутствовало единодушие. С Турцией Персия была в мире, время, следовательно, не благоприятствовало

авантюрам; вообще-же политическая традиция обеих ветвей дома Багратидов, карталинской и вихетинской, несколько не исключала компромиссов с Ираном, наоборот, им благоприятствовала. Однако, в 1614 году цари предпочли одному из двух мыслимых в их положении путей — открытой, решительной борьбе, войнам (к ней они не были готовы) или же соглашению, примирению с Аббасом (теперь это было бы для них унижением) — третий, довольно неожиданный и не лишённый хитроумия выход: они укрылись в Имеретии у царя Георгия III, принявшего их сначала в Сачхери, владении князей Церетел, а позже у себя в Кутаисе. Имеретия была для них надежным убежищем не только потому, что Лихские горы, отделяющие ее от Карталинии, считались в те времена существенной преградой для наступающего войска, но главным образом ввиду принадлежности западных частей Грузии к сфере влияния Турции. Вторгнуться туда означало бы для Аббаса идти на разрыв и на возобновление войны. Это не входило тогда в его планы. В одном он не сомневался: бегство его двух первостепенных вассалов в Имеретию показывало их решимость быть на стороне Турции, в случае возобновления с нею войны. В меру его опасений ожесточался и гнев могущественного деспота.

Однако, первейшим его решением было низложение Теймураза. Кахетию «отдали» Исакхану, сыну того Георгия, который вместе с отцом своим Александром, дедом Теймураза, был убит в 1605 году в Загеме, в присутствии Константина «отцеубийцы» (см. о нем статью в № 12/36 «Кавказа» за 1936 г.). Он бросился тогда в ноги своему дяде, и тот, жалел его молодость, даровал ему жизнь. Мать Теймураза Кетевана и два его малолетних сына были отправлены в Персию. Разграбленную подвергли резиденция кахетинских ца-

рей в Гречи и в замке Торга, на верхнем течении Алазани. В известных рамках разрешено было брать добычу, включая пленников, и экспедиционной армии. Военным советником шаха во время этого похода был Георгий Саакадзе.

Из верхней Кахетии Аббас перешел горными тропами в долину Арагвы, Карталиния пострадала в этот раз сравнительно меньше. Главной заботой шаха было теперь добиться выдачи ему имеретинским царем живших у него в гостях Луарсаба и Теймураза. Аббас имел сведения о сношениях последних с Портой, и добивался возвращения ему непокорных вассалов, тем более, что между Оттоманской Империей и Ираном был мир. Однако, турецкое правительство выразило неудовольствие как раз по поводу нахождения Аббаса во главе вооруженных сил на самой границе Имеретии, и он оказался вынужденным отправить для объяснений в Стамбул особого посла.

В своих переговорах с шахом Георгий III Имеретинский отстаивал общее ему и его гостям достоинство дома Багратидов. Велись эти переговоры по соглашению с владельцами мингрельским Леваном и гурийским Мамиа, т.-е. как дело касавшееся всей Грузии. Несмотря на торжественные заверения и обещания, данные Аббасом, Теймураз остался в Имеретии. Луарсаб уступил настояниям сестры своей, жены шаха, а также бывшего своего воспитателя Шадимана Бараташвили и вернулся в Карталинию (осенью 1614 года). Однако, его там не оставили. Он сопровождал Аббаса в Персию, и был там в течение некоторого времени его почетным гостем, о чем свидетельствует и русская дипломатическая переписка.

Таким образом, цель, поставленная себе Аббасом, была осуществлена лишь на половину. Заполучить Теймураза ему не удалось.

Последствия обнаружались довольно скоро. Ставленнику шаха в Кахетии не удалось там удержаться: страна пришла в брожение, и это стояло в несомненной связи с возобновлением войны между Турцией и Ираном (одним из поводов к нему послужила экспедиция в Грузию 1614 г.). Громоздкая военная машина Османской Империи приведена была в движение весной 1615 года. А спустя несколько месяцев, во время храмового праздника, обычно справляемого при большом стечении народа в Кахетии при Алавердском соборе, началось открытое движение против иранского засилья. Подоспел к себе домой из Имеретии и Теймураз. Движение перекинулось и в Ширван, где, конечно, работало турецкое влияние.

Аббас, недавно перед тем (в начале 1615 г. пережил большое личное несчастье, по его приказанию был убит в Реште наследник престола, старший его сын Софи-мирза, потомок по матери грузинских царей. В сумрачном настроении шах возложил на первых порах устроение кавказских дел на Аликули-хана Шамлу. Теймуразу повезло: ему удалось заманить неприятеля в ловушку и совершенно сокрушить его, причинив большие потери. Тогда выступил в поход сам Аббас, имея при себе значительные силы, в том числе немало азербейджанцев. Армия сосредоточилась в Гяндже. Оттуда же и была им предпринята та экспедиция в Кахетию, которую преимущественно имеют в виду, когда говорят об опустошениях «огнем и мечем», произведенных в Грузии шах-Аббасом.

Опустошения эти были очень велики. Не станем их здесь описывать. Главным несчастьем было, конечно, насильственное переселение в Персию значительной части обитателей страны. Поселяли их в местах весьма отдаленных, например, в Асунасе или Аспасе между Исфаганом и Ширазом, куда они пе-

ренесли свои навыки виноградарства и виноделия, и где грузинские поселения отмечаются уже в 1620-ых годах европейскими (английскими) путешественниками. В одном лишь районе, по соседству с Исфаганом, потомком грузин-переселенцев посетил, в конце XIX столетия турист-любитель Л. Агниашвили, собравший о них интересные данные. Они еще говорили по-грузински. Впрочем, «грузины в Персии» — тема обширная и ее мы здесь не касаемся.

*
*
*

Систематический характер разрушений, связанных с этим беспримерным погромом вельжы, конечно, объяснить ни болезненной манерой и личной кровожадностью Аббаса, ни желанием покарать строптивых вассалов и отомстить за поражение Али-кули-хана, ни, наконец, решением вознаградить свои войска за лишения и опасности возможностью пограбить: все это играло свою роль в политике шаха, но главной его задачей было лишить Турцию, в случае переноса войны на кавказский театр, боеспособных союзников в лице грузин. Аббас старался истребить и их, и те средства, которыми они могли располагать.

Главная операция по «умиротворению» Кахетии закончилась к лету 1616 года, но военные действия персидских частей продолжались и позже, особенно за Алазанью. Населением было оказано немалое сопротивление.

Между тем турки обложили Эривань. Однако, из осады этой ничего не вышло. Турецкая кампания 1616 года скоро выдохлась, вообще, оказалась безрезультатной, и мир был фактически восстановлен к концу года. Аббас получил возможность вернуться в Кахетию и следить здесь на месте или же находясь по близости за последними истребительными действиями своих войск.

Карта, поставленная на турецкую войну и на турецкое вмешательство, оказалась, таким образом, битой. Может быть, это был временный неуспех? Теймураз заблаговременно вернувшийся в Имеретию, сделался как бы стипендиатом Порты, не без расчета давшей ему возможность жить по соседству с Грузией в таких, у Грузии же отхваченных местах, как Гониа, что около Батума, или Ольти. После неудачной, плохо организованной и, как оказалось, преждевременной попытки вступить в открытую борьбу с Аббасом в 1615-1616 г.г., сторонники этой борьбы в Грузии оказались уже не в силах воспользоваться обстоятельствами 1617-1618 г.г., когда возобновились с большим напряжением военные действия в Армении и Курдистане, когда персидские войска, имевшие во главе Карчкайхана, родом, говорят, из эриванских армян, опустошили области Эрзерума и Вана, а турки вторгались в южный Азербайджан.

Не имела успеха и поездка с политическою целью в Стамбул Теймураза — верхом через всю Анатолию, во главе блестящего конвоя. Повидимому, он побывал там в 1619 г. при султане Османе, сменившем на престоле в конце 1617 г. Ахмеда I. В ответ на эту политическую кавалькаду шах приказал изувечить молодых сыновей Теймураза, дабы искоренить потомство. Позже, в 1624 г. замучена была в Ширазе и мать его Кетевана.

Словом, оказались, в общем, правильными предвидения тех, кто, по заветам Симона I Карталинского, соратника Аббаса и его предшественников в последнюю четверть XVI века, держал сторону Ирана, а не Османской Империи в этой борьбе. Ошибки их противников стоили Грузии сотен тысяч драгоценных жизней.

Мир между Персией и Турцией был формально восстановлен в середине 1619 года. Вновь было подтверждено размежевание сфер

властвования и влияния, обусловленное при Солимане и Тахмаспе в предыдущем столетии. Весьма важной для всего Кавказа новизной было однако признание турецкого верховенства в Ахалцихе. Древнее грузинское княжество Самцхе окончательно обрекалось на превращение в пашалык, в течение двух столетий служивший главной опорой турецкого влияния и воздействия на Кавказе вообще и, в частности, в Грузии, западной и восточной: от Ахалциха, как всякий знает, ведут дороги на Кутанс, через Зекарский перевал, и на Тифлис, через Боржомское ущелье. Пройдет всего несколько лет, и наследственный владетель Самцхийского княжества, Бека III сделается мусульманином и будет именоваться Сафар-пашою (1625). Известный турецкий путешественник Эвлиа-челеби получает от него, при посещении Ахалциха, в подарок доброго коня, сотню пиастров и шару молодых невольников; не оставаясь в долгу, он называет дарителя одним из умнейших и добросовестнейших советников Османской Порты.

Однако, главное было впереди. Персидское правительство полагало, что восточная Грузия, обескровленная благодаря насильственным переселениям, постоянным потерям в военных действиях и т. д., достаточно обездолена и не сойдет более с пути покорности, и что тому же способствуют поставленные во главе ее воспитанные в исламе Багратиды, или же временно замещавшие их ханы, опиравшиеся на гарнизоны и на силы особо для того, с отбором, поселенных в Грузии и по ее соседству кочевников, или полукочевников. Ожидания эти не оправдались. Наоборот, возобновление турецко-персидской войны немедленно отразилось в Карталинии и Кахетии. Возникшее там политическое брожение в крайней степени обеспокоило Аббаса, только что (в начале 1624 г.) завоевавшего Багдад

— один из крупнейших его успехов. Решено было отправить в Грузию лучшего из персидских военачальников, уже названного выше Карчкай-хана, а вместе с ним Георгия Саакадзе «Моурав-бега», скоро ставшего Моурав-ханом», успешного занять видное место в персидской армии и лично при шахе. (Саакадзе состоял в это время политическим и военным советником карталинского валия или наместника, молодого Симон-хана, внука того Дауд-хана из рода Багратидов, который стал шиитом еще в дни шаха Тахмаспа. (См. об этом в первой статье этой серии, «Кавказ», № 11/35, 1936 г.). В данный момент Саакадзе временно был в Персии, приехав за невестою Симона, одной из внучек Аббаса.

Повидимому, на персидское командование в Грузию была возложена двойная задача: искоренить до конца крамолу в Кахетии и организовать насильственное выселение жителей из Карталинии. Есть сведения, что опасность угрожала и лично Саакадзе, и что он узнал об этом из перехваченного письма, но едва ли это имело большое значение. Другое дело план разгрома Карталинии, *его* Карталинии. Этого он не мог допустить. Сделать ее властелином, вот что было главным стремлением его жизни. Для этого он изменил своему царю, содействуя, как мог, удалению его из Грузии. А когда, после пребывания в Астрабаде, Луарсаба послали жить в замок Гулабкала, где-то далеко в Фарсистане, не оп-ли, Саакадзе советовал Аббасу отделаться от царственного пленника? В случае военных осложнений законный претендент на Карталинию, действительно, мог быть опасным. По приказанию Аббаса Луарсаб и был умерщвлен в 1621 году: с этим поспешили, зная, что московские послы собирались ходатайствовать за пленника-единоверца. Что касается нового

Симона, он ничем не выделялся, и мог служить простой ширмой.

Впрочем, мы не собираемся здесь углубляться в объяснение событий, оставивших глубокие и многочисленные, но противоречивые и сбивчивые следы в памяти современников. Мы ограничимся сжатым изложением фактов, как они рисуются при сопоставлении дошедших до нас известий — грузинских, армянских, персидских, турецких и европейских.

Заговор зрел в умах Саакадзе и немногих его единомышленников, в Грузии, людей могущественных и влиятельных. Повод к решительному выступлению дало само персидское начальство, назначив, под предлогом смотра, сбор кахетинских ополчений: имелось в виду обезоружить их и уничтожить. Частью и удалось этот замысел осуществить (войнов пропускали обманном образом одного за другим через контрольный пункт и убивали, незаметно для остальных). Почуввав вероломство, уцелевшие проложили себе дорогу с оружием в руках.

Нельзя было медлить. 25 марта 1624 года произведено было неожиданное нападение на персидский лагерь, расположенный недалеко от Тифлиса между Марткопом и Норью. Заговорщики ворвались в шатры командиров — ханов, беглар-бегов, султанов. Их было убито одним ударом до двух десятков. Георгий Саакадзе собственноручно поразил на смерть главнокомандующего Ирана Карчкай-хана.

Мало кому удалось спастись. Подвергнут был разграблению весь лагерь с богатыми складами. Немедленно был вызван из Гония Теймураз, поспешивший вернуться в свою Кахетию. Некоронованным главою Карталинии оказался на деле «великий моурав» Георгий Саакадзе.

Не может быть сомнения в том, что этот удар, нанесенный, надо признать, рукою ма-

стера и тщательно подготовленный, был согласован с видами турецкого правительства, на военное вмешательство которого моурав несомненно возлагал надежду. Был ли здесь и прямой договор? Это сомнительно. Однако, без какой-то поддержки Турции затеянное моуравом и Теймуразом рискованное дело не могло окончиться успешно, хотя, конечно, и поддержка не составляла еще полной гарантии успеха.

Во всяком случае, отрубленные головы кызылбашей, погибших от руки заговорщиков, были отправлены великому визирю Порты Хафиз-паше и показаны на остриях пик в лагере его под Диарбекром. Турция обещала покровительство обоим властелинам, моураву и Теймуразу. Но сделанное Хафизу предложение, двинуться через Грузию на Гянджу и Ширван было отклонено, за невыполнимостью этого плана.

Вызванная таким неожиданным взрывом паника позволила грузинам произвести еще несколько удачных и стремительных вылазок, в частности, набег в сторону Гинджи и Карабага. В восточной Кахетии в их руки попадает огромный запас шелка, так сказать, валютный запас персидских оккупантов. «Разбазаривание» его вызвало даже понижение цен на этот важный товар в торговых центрах Леванта — факт почти невероятный, если бы он не упоминался в современных доведениях агентов английской Ост-индской компании, откуда попал и в трактаты по истории торговли на Востоке.

Реакция Ирана не заставила себя ждать. В ближайших к Грузии ханствах были незамедлительно собраны свежие силы и отправлены в помощь осажденному в Тифлисе гарнизону. Новым командующим был Иса-хан корчибаш, начальник конницы, набравшейся из турецких племен Персии, один из главных генералов Ирана. Встреча с грузи-

нами, под начальством Саакадзе и Теймураза произошла 1-го июля 1625 года на берегу реки Алгет, у селения Марабда. Сохранилось несколько превосходных описаний этого во многих отношениях замечательного, большого по тогдашним понятиям и кровопролитного сражения. Можно в нем видеть и две битвы: в первой взяли верх грузины. Пехота их овладела богатым персидским лагерем и принялась его грабить. Между тем подошли новые силы под начальством Шахбенде-хана азербейджанского, и решили исход сражения в пользу иранцев (разумея это слово в политическом, не этническом смысле). Но они не могли воспользоваться полностью плодами своей победы, потому что были связаны необходимостью обороняться от турок в других местах. Ахалцих, опять было занятый во время этой кампании, пришлось очистить, а главное, надо было идти на помощь осажденному турками Багдаду. Это собственно и отвлекло Аббаса от грузинских дел. Он прибыл в Багдад весной 1626 года, а несколько позже, в виду нежелания турецких войск продолжать военные действия, Хафиз-паша оказался вынужденным отступить к Мосулу.

В общем, несмотря на поражение при Марабде, внешние обстоятельства, как легко видеть, не были неблагоприятны для Грузии. Несчастье заключалось в том, что с устранением незадачливого Симона II, убитого, чтобы очистить место новому правителю, возник вопрос: кто-же им будет? Теперь или никогда, Саакадзе, «Моурав-хан», должен был формально стать тем, чем он на деле уже был, и захватить в свои руки власть, уже обещанную ему в свое время Аббасом и которую теперь готовы были за ним признать, в свою очередь, турки. Однако, узурпировать власть карталинских Багратидов оказалось ему не под силу. Не говоря о том из них, ко-

тому будет принадлежать последнее слово в этой расправе, о Хосрев-мирзе (будущем царе Ростоме), который в иранских рядах отличался здесь же в Грузии, соперником моурава выступил, в пользу одного из своих сыновей, никто иной, как сам Теймураз, бывший его союзник и соратник. Моурав несомненно рассчитывал в дальнейшем на турецкую поддержку: Теймуразу поэтому не оставалось другого выбора, как... войти в соглашение с Персией, не стесняясь всей пролитой с 1614 года из за его упорства, крови. Каждый из них имел своих сторонников. Спор их решился силою оружия в пользу Теймураза, разбившего Саакадзе в Базалетском сражении, около Душета (1626 г.), несмотря на помощь, полученную вторым из Ахалциха и из западной Грузии. Попытка «моурава» овладеть Карталинией не удалась. Он не пал, однако, духом и постарался упрочить свою связь с Турцией, в надежде с ее помощью, впоследствии, добиться заветной

цели. Он принял видное участие в борьбе с известным мятежником Абаза-пашою, осажденным в Эрзеруме (еще один кавказец!). Турецкие хроникары приписывают ему открытие бреши, решившей участь города. Вообще, турецкая карьера Георгия Саакадзе протекала блестяще, как раньше персидская. Она прервалась неожиданно и плачевно по причинам, не вполне ясным, летом 1629 года, когда «моурав» и бывшие с ним грузины, в числе, говорят, до сорока были преданы смерти от руки палача в лагере около Кони, по приказанию великого визиря Хосрев-паши, родом босняка, человека выдающейся кровожадности, в свою очередь удушенного несколько лет спустя.

Моурав погиб всего лишь несколько месяцев после смерти шаха Аббаса (21 января 1629 года). Им было о чем поговорить на том свете, если бы они могли там встретиться.

3. Авалишвили.

Роль людей и условий в истории

В одной из последних книжек журнала «Всход», органа варшавского Восточного Института, напечатана статья, трактующая о роли «людей и условий при создании Восточной Европы XX века». Статья принадлежит польскому профессору г. Ольгерду Гурка, генеральному секретарю вышеназванного Института, русский же перевод — эмигрантскому журналу «Северный Кавказ», издающемуся в Варшаве, — им мы и пользуемся.

Статья проф. О. Гурка интересна для нас

тем, что касается она и нас, кавказцев. Точнее сказать, статья касается судеб кавказских республик. Проф. О. Гурка доискивается причин, по которым одни из новых государственных образований Восточной Европы XX века сохранили свою независимость, другие же — нет. В круг этих государственных новообразований он вводит: Финляндию и балтийские государства, свою родную Польшу и Украину, Крым и кавказские республики. Автор идет далее границ Восточной Ев-

ропы и не мало слов уделяет и новой Турции — Ататурка.

Таким образом, тема для нас чрезвычайно острая и до сих пор актуальная, но для самого проф. О. Гурка скорее научная и историко-исследовательская. Поэтому, все его суждения основаны на строгом сличении фактов, в силу которых одни из этих новообразований смогли сохранить себя, а другие погибли. Автор осторожен и не говорит ни о чем лишнем, ни тем более личном.

«Личного» в суждениях проф. О. Гурка быть может то, по нашему мнению самого верного, а потому и самого ценного, что, он, как человек науки и историк, строго верит, что историю творят «люди», а не «условия». Не будучи сторонником материалистического понимания истории и отдавая первенство духу и мощи человека в исторических событиях, проф. О. Гурка совершенно справедливо устанавливает, что независимость удержали те из народов, у кого оказались «люди», отвечающие национальным задачам времени, а не смогли удержать те, у кого этих «людей» не оказалось, хотя находились они, быть может, в более выгодных «условиях».

Это последнее замечание автора, мы, кавказцы, должны принять за свой счет. Только человек, рожденный в равнинной Польше или близ Литвы, Латвии и Эстонии, находящихся совсем у пасти России, мог и имеет все права заметить нам кавказцам, какое это у нас было преимущество пред всеми ими — иметь между собою и распавшейся Россией, такую преграду, как Кавказский хребет.

Но мысль автора, все же, сосредоточена, главным образом, не на географических преимуществах той или другой территории, а на «людях». Для него независимая Польша — это маршал Пилсудский, Финляндия — ген. Маннергейм, Эстония — ген. Лайдонер! «Всюду на Кавказе, говорит проф. О. Гурка,

— выдвинулись на первый план деятели тех или иных партий. В то время, как на Севере руководство взяли в свои руки военные — к примеру, ген. Маннергейм или ген. Лайдонер, не говоря уже о наиболее характерном примере Польши.

Подобные рассуждения автора о фактах нашей кавказской действительности эпохи независимости настолько интересны, что они заслуживают быть приведенным особо.

Проф. О. Гурка, сторонник в истории личности и вообще «людей», а не «условий», все же считает, что «так называемые условия могут образовывать и делния людей, в данном случае не действия тех, кто создал свою государственность, а тех, кто до такого созидания не допустил», и это ему дает право, из ряда четырех кавказских республик, горскую республику поставить совершенно особо.

«Недолговечные и печальные судьбы северо-кавказской республики, говорит автор — являются, несомненно, скорее результатом чужих, чем собственных грехов. В значительной степени грехи эти составляют ошибки Антанты, в особенности английского руководства, но большую часть вины несет русское белогвардейское движение, которое являет нам комплекс всевозможных ошибок и недостатков... Естественно, что жертвой этой смеси бессильного хаоса и великодержавной мегаломании должны были стать те, кто был в зависимости от действий, например, Деникина».

Иное дело южный Кавказ, где создались грузинская, азербейджанская и армянская республики, успехи, неудачи и судьбы которых для автора настолько общи, что ему, пожалуй, трудно говорить о них врозь. Тем не менее характеристика каждой из них у автора получается весьма меткая.

«Государственный переворот в Азербейджа-

не, говорит проф. О. Гурка, — является наилучшей иллюстрацией того, как люди — и только люди — выигрывают или же проигрывают в политике и как необоснованными научно являются разговоры об «исторической необходимости», «неизбежном процессе революции» и т. п. утверждения, заимствованные из концепции исторического материализма».

И тут же автор приводит поучительный пример того, как Эстония, переживавшая такой же переворот и попытку советизации, все же, нашла «людей», которые «добыли независимость Эстонии».

«Во всех этих рассуждениях, продолжает автор, — Армения представляет весьма печальную главу, ибо максимализм армянской политической мысли не позволил ей избрать пужную линию действия. Идеология тогдашних армян свернула на путь противоречивости политических симпатий, навязала политическим действиям обманчивые антитурецкие надежды и поэтому, в конце концов, политическое положение в самой Армении облегчило Советам во всех направлениях ликвидацию независимого государства. Акция Брациана не смогла уже спасти положения. Как и в украинских событиях, акция эта наступила слишком поздно».

Переход от армянского национального «максимализма» к социальному максимализму грузинских меньшевиков является самым естественным продолжением мыслей автора.

Отчего больше погибла Грузия, от «внешнего» большевизма или от внутреннего меньшевизма, является до сих пор самою злободневною темою споров между грузинскими националистами и интернационалистами. Только недавно писал ген. Квинитадзе в нашем журнале о том, что в эпоху Великой войны русское правительство могло мобилизовать по Грузии сто пятьдесят тысяч человек, а «всенародно избранное» социалдемократиче-

ское правительство Грузии сумело выставить в 1921 году только десять с половиной тысяч человек. Вот что убивает «людей»!

И как будто догадываясь об этом, проф. О. Гурка пишет:

«Трудно сегодня без подробных данных разбирать вопрос — исполнила ли Грузия, имевшая наибольшие и наистаршие государственные традиции, наибольшие возможности благодаря наличию многочисленных кадров интеллигенции и национально-сознательных людей, в критический период 1918-1920 г.г. во всей полноте свою роль в деле военной организации всего Кавказа с целью воспрепятствовать возвращению русской власти в той или иной форме. Несомненно, взоры историка этих событий, подсчитывающего возможности и обязанности сторон, должны прежде всего обращаться к самой же Грузии и грузинским политикам того времени, ибо в тогдашнем размещении сил на Кавказе Грузия представляла единицу наиболее развитую государственно и наиболее сознательную, что свидетельствуется и формальным признанием Европой грузинского государства. Повторяю, трудно углубляться в детальные рассуждения, но нельзя, имея перед собою балтийские государства в качестве сравнительного мерила, сопротивляться чувству, говорящему, что — в особенности с точки зрения военной — в Грузии не были использованы все возможности, а вместо этого излишне большое значение придавалось внешней и внутренней акции».

Общее же мнение проф. О. Гурка о целом Кавказе таково:

«Во всех действиях Кавказа в XIX и XX столетия, чувствуется, что вся атмосфера этих антирусских и антибольшевистских акций была пропитана дезорганизующими влияниями, как русской психики, так и целого ряда социальных миражей, которые блестяще слу-

жали большевикам в их захватнической акции, но никак не могли быть системой национальной обороны при созидании независимости».

Так пишет относительно Кавказа польский профессор г. О. Гурка, который, как то удостоверяет редакция журнала «Северный Кавказ», «состоит генеральным секретарем варшавского Восточного Института — учреждения, неоднократно уже выявлявшего свои кавказские симпатии»...

Значит, пишет друг, а не враг.

Так, собственно говоря, чувствуют и думают и все благоразумные кавказцы. Но, в данном случае, нас увлекает не сила и убе-

дительность аргументов г. О. Гурка, столь схожих с нашими, сколько другое.

Мы прекрасно знаем, что «людей» со вздохом облегчения взобравшихся на спасательный пьедестал «условий», даром оттуда не снимешь. Их надо будет еще произвести в новые, совершенно исключительные «герои», чтобы они соизволили сойти оттуда. Но все же отрадно знать, что помимо «объективных условий» истории, этого убежища всех неудачных «людей» существует еще «объективное мнение» лиц, не умеющих говорить неправды. В отношении Кавказа польский профессор сказал всю доступную ему правду.

Ш. Амиреджиби.

Проблема очага и семьи в СССР.

IV

РЕЗУЛЬТАТЫ

С некоторых пор советская общественность взволнована тем обстоятельством, что дети в СССР находятся в самом испорченном состоянии. «Беспризорничество», бродяжничество, хулиганство и преступность распространились также на советскую школу. Вот несколько фактов, заимствованных из советской прессы, могущих показать те нравы, которые завелись среди школьной молодежи благодаря политике фаворитизма и ослабления авторитета родителей.

В Куйбышево (бывшей Самаре), ученики,

разделенные на банды, дают друг другу настоящие сражения, занимаются воровством и совершают разные уголовные акты. В Чапаевске ученики вторгаются в школу и совершают насилия над учителями²⁾.

В Ростове-на-Дону, учащиеся захватывают общественные проходы, улицу, снимают шапки у прохожих, портят разные предметы, принадлежащие к «социалистическому добру», снимают электрические провода, которые потом и продают³⁾.

В Москве, группы учащихся, вооруженных ножами, занимаются бандитизмом, пьянству-

1) См. «Кавказ» № 12/36.

2) «Известия», 1-го марта 1935 г.

3) Ibidem., 26 марта 1936 г.

ют и т. д. Другие не стесняются ничуть, чтобы испробовать свое оружие в классе, во время занятий.

В Луганске, где насчитывается до 40.000 учеников, эти последние бьются друг с другом «фингами» и даже огнестрельным оружием⁴⁾.

В Ташкенте учащиеся бьются таким же образом, споря из за девиц. Некоторые из этих «школьников», насчитывают до 50 приводов (в милицию)⁵⁾.

В Белевске банды учеников терроризируют буквально малышей и собственных учителей. Глава шайки был арестован и выпущен 17 раз⁶⁾.

В Алчевске ученики, выгнанные из школы, организуют шайки и совершают «налеты» на школы, откуда они были выгнаны. Вооруженные «фингами» и камнями, пьяные, они врываются в классы, срывают занятия, отнимают у учеников их книги, деньги, закуски, бьют их, грабят «экономат», избивают камнем директора⁷⁾.

В том же Ташкенте, как рассказывает «Правда Востока»⁸⁾, ученики выгнанные из школы за хулиганство, продолжают посещать ее, набирают новых членов в их банды, действуя угрозами и террором. Они научают малышей играть в карты, пить водку, употреблять опиум и т. д.

Вот теперь картина времяпрепровождения учащейся молодежи в Омске:

«Попробуйте прогуляться в центральных улицах города к 11-ти часам вечера. На улице Ленина, хорошо освещенной витринами магазинов, группы детей предаются весьма

забавному спорту: они «стреляют» плевками в прохожих, и лавры победы достаются тому, кто сумел целиться более точно»⁹⁾.

Здесь также, выгнанные ученики атакуют школы, «разбивают голову своим товарищам», заливаются в шайки, состоящие главным образом из беспризорников и держат учащихся и учителей под угрозой своего оружия¹⁰⁾.

Студенты ведут себя не лучше.

В транспортном институте, того же Омска, читаем мы в «Правде»¹¹⁾, во время занятий, студенты-интерны возвращаются к себе к трем-четырем часам утра. В медицинском институте, студенты основывают непристойные ассоциации; в пьяном виде, они предаются разным эксцессам, тогда как в Томске, они нападают на женщин и своих профессоров, в самом центре города¹²⁾.

К этим недисциплинированным актам надо прибавить преступления — до убийства включительно — совершаемые детьми, преступления регистрируемые самой советской хроникой. Перед угрозой увеличения преступности среди малышей, правительство СССР, декретом от начала мая 1935 года, было вынуждено отнести несовершеннолетних к разряду взрослых в смысле ответственности за преступные деяния. После этого, ребенок свыше 12-ти лет будет подвержен тем же карам — включая и смертную казнь — что и взрослый. И прокурор Союза, г-н Вышинский, объявляет официально беспощадную войну юным преступникам...

Таким образом страна, которая расхваливала свою систему «перевоспитания преступников» и разных других падших элементов, вынуждена сама «вывести в расчет» малы-

4) «Правда», 5 апреля 1935 г.

5) «Правда Востока», 4 апреля 1935 г.

6) «Известия», 10 апреля 1935 г.

7) «За Индустриализацию», апрель 1935 г.

8) № от 17 апреля 1935 г.

9) «Правда», 10 апреля 1935 г.

10) Ibidem.

11) № от 12 апреля 1935 г.

12) Ibidem.

ной, ставших трудно воспитываемыми. Исправительные дома полны: больше не находят мест. Только два таких дома — Гансберга и Коканда — содержат 23.000 маленьких преступников. «Известия» исчисляли в 9.000 количество детей, убегавших из таких домов только в РСФСР, за один год¹⁴⁾.

Надо отметить, что значительная часть этих детей имеют родителей; но родители, зная заранее беспомощность их вмешательства перед политической партией и правительством признают свою беспомощность и относятся совершенно равнодушно к судьбам своих детей. В большинстве случаев, родители последними узна-

ют исключение их детей из школы¹⁴⁾. Один отец, запрошенный по этому поводу, объявляет, что он «неделями не видит своего сына» и не знает абсолютно, что он делает¹⁵⁾. При таком положении неудивительно, что количество детей бродяг увеличивается. В течение лишь одного июня 1935 года, на улицах Ленинграда подобрали 1.167 безнадзорных детей. В Москве, в течение лишь 20 дней апреля, и в одном лишь районе, подобрали 1.202 таких же детей. Там же, в первом триместре 1935 года, полиция регистрировала 583 несчастных случая, из которых 87 смертных, жертвами которых были дети.

¹⁴⁾ «Правда», 23 июля 1935 г.

¹⁴⁾ «Известия», 1 марта 1935 г.

¹⁵⁾ «Правда», 12 апреля 1935 г.

В поисках доктрины

(Окончание)¹⁾

Трудно понять почему Кавказ, представляющий одно целое, населенный родственными между собой народностями, происходящими от общего прародителя Таргамоса и уже ославившимися племенами много происхождения, не вросшими в него — не является одним целым государством?

Еще труднее понять, почему безнаказанно продолжается величайшее в мире преступление Россия, ныне повторенное пресловутой советской конституцией, и живое тело перерезается на части, так в статье 22-ой новой конституции — входящими в состав Российской Советской Федеративной Социалисти-

ческой Республики, мы видим: 2 края — Азовско-Черноморский и Северо-Кавказский, 4 автономные республики — Дагестанскую, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую и Чечено-Ингушскую, 3 автономных области — Адыгейскую, Карачаевскую и Черкесскую, а Закавказье, кроме того, разделено на 3 «самостоятельные» республики: Азербайджанскую, Грузинскую и Армянскую, причем в состав Грузинской республики входят еще 2 автономных области — Абхазская и Юго-Осетинская. Всего таким образом 14 кусков.

Как нет абсолютно никакой логики в вышеприведенном, произвольном делении на части Кавказа, так не может быть никаких со-

¹⁾ См. «Кавказ» № 2/38.

бувал Истории, тем значительнее, значит, были ее преступления. Ошибки наших предков заключаются, главным образом, в их *руссофильстве*.

Все проходит — и хорошее, и плохое — прошел и период заблуждений. Нации, одна за другой, пробуждаются; человечество распределяется отчетливо на две группы: одни, число коих неизменно уменьшается, продолжают идти упрямо по оказавшемуся ложным пути и безнадежно пытаются строить, основанный на индивидуализме какой-то «Новый Мир». Другие, число коих непрерывно растет, стараются: установить момент, с которого началось заблуждение и выйти на старый и верный путь предков своих. Так как моментом этим, мы видели выше, является XV век, то нет иного выхода из современного хаоса как возврат к положению бывшему до XV века — т.-е. *избавление от влияния России, а вместе с тем, конечно и отказ от абсурдных теорий Маркса*.

Мы, кавказцы, должны лишь: захотеть искренно направить ясно и определенно все свои помыслы и усилия на возбуждение среди всех нас беспредельной любви к нашей родине Кавказу и лютой ненависти к врагам его; мы должны зарядить себя, каждый в отдельности, и намагнитить всех сородичей своих этим положительным и отрицательным электричеством, без которого не существует

в мире ни одного тела, ни одного организма.

Мы должны, кроме того, вспомнить братьев и сестер своих, в разное время, по разным причинам оторванных от нашего тела, обоживавшихся и ныне живущих разбросанными по всей территории Малой Азии: в Турции, в Иране, в Сирии и др.³⁾.

Если Запад оказался не на высоте, если цивилизации грозит беспризорность, то напомним ей ее колыбель, напомним ей ее отчий дом (оджах), где она делала свои первые, несмелые, шаги, где она провела свои детство и отрочество, где она, наконец, расцвела полною своей красотой. Ведь по горам и ущельям Кавказа до сих пор еще раздаются, а в сердцах разбросанных по всей Малой Азии кавказцев, наверное, эхом отражаются и звуки гимна Астарте «Иав-Нана» и звуки «Мравал Жамиер» при сборе винограда в 1936 году, как и при первом урожае Ноя. Праздник Вакха там не превратился в вакханалию, а светел и радостен, как и тысячи лет тому назад. Гимн Богоматери, чьим действительным уделом была Иверия, «Шен хар венахи» чист и свят, как и при жизни ее.

В. Цицишвили
(Вахтанг Карелели).

³⁾ К стыду своему, никто наверное не знает ни точной цифры их, ни всех мест ими населенных.

Несколько слов о грузинской поэзии

В своей февральской заметке, говоря о Пушкине, я мимоходом привел в русском переводе две строчки из прекрасного стихотворения кн. Ильи Чавчавадзе «Арагва». Эти две строчки вызвали целый ряд устных и письменных запросов со стороны читателей «Кавказа»: чей перевод? был-ли он когда-либо напечатан? не сохранилось-ли полного текста? нельзя-ли его воспроизвести на страницах «Кавказа»?

К сожалению, я помню наизусть только начало стихотворения. Перевод был сделан известным в свое время в Тифлисе общественным деятелем и местным литератором П. А. Опочининым, но не мог быть напечатан по цензурным условиям старой России. Автор его иногда читал среди знакомых, и у меня случайно остались в памяти следующие строки начала:

О, как мучительно и свято,
 Арагва, я люблю тебя, —
 На берегах твоих когда-то,
 Преданья древние любя,
 И славу их оберегая,
 Цвела отчизна дорогая...

 Тебя люблю я, верный сын,
 Как мать, вскормившую грузин, —
 Ты схоронила предков силу,
 Тебя люблю я, как могилу,
 Как драгоценный мавзолей
 Усопшей родины моей...

Вот эти-то выражения: «могила, мавзолей, усопшая родина» и делали это стихотворение совершенно неприемлемым для российской краевой цензуры. Впрочем, оно вероятно не прошло бы и в самой России.

Знаменитая «Весна» того же Ильи Чавчавадзе печаталась в русском переводе несколько раз и в различных вариантах, хотя председатель тифлисского цензурного комитета и тут хмурил брови из-за последних строк. Мне лично известны три русских перевода этого прелестного стихотворения — Вас. Величка, Ив. Тхоржевского и П. Опочинина. Сам я напечатал в Петербурге четвертый перевод — свой собственный, который могу привести:

Украшен мир листвою нарядной,
 И пеньем птиц звучат леса,
 С лозы зацветшей виноградной
 Струится радости слеза...
 В цветах весенних утопая,
 Воскресли горы, — даль ясна...
 Скажи мне, родина святая,
 Когда ж твоя придет весна?..

Грузинская поэзия прошлого века была очень богата и во многих отношениях замечательна. Но в центрах российских она была почти неизвестна, и вообще переводилась редко и скудно. Можно найти иные стихотворения в двух сборниках «Восточных мотивов» Вас. Величка, — по кавказским газетам рассеяны были иногда очень удачные переводы П. Опочинина и Симборского, но больше всех дал тифлиссский литератор Ив. Тхоржевский, переводчик Беранже и Виктора Гюго, отец ныне живущего в Париже тоже Ив. Тхоржевского, переводчика Сюлли Прюдома и Леонарди.

Маленькая, скромно изданная брошюрка старика Тхоржевского «Грузинская поэзия в образцах» разошлась в двух изданиях. В

сущности это был самый большой вклад в дело дореволюционного ознакомления русской читающей публики с грузинской поэзией прошлого века, т.-е. той ее блестящей эпохой, когда писали также по настоящему большие поэты, как Нико Бараташвили, Акакий Церетели, Илья Чавчавадзе, кн. Григорий Орбелиани.

Тогда грузинская поэзия, потом совершенно сбившаяся с пути под влиянием плохо ею освоенного символизма в его российском переложении, шла еще своими собственными творческими путями, не утратив былого духа и красок поэстине народного, национально-го песнопения. Если у Бараташвили, несмотря на его самородный талант, и чувствуется сильное влияние Байрона и байропизма, а у Ильи Чавчавадзе проступают порою некрасовские черты «гражданской скорби», то Акакий Церетели и Григорий Орбелиани остаются до конца грузинами, и я даже сказал бы — азиатами, поэтами глубоко родственными всей азиатской поэзии, прежде всего, конечно, персидской, которая так сплетается в свою очередь с поэтическим творчеством и Китая, и Японии, и всех стран арабских, вплоть до дальнего африканского северо-запада, до удивительных в своем ярко-образном стиле народных песен Алжира и Марокко. Вот где действительно подлинная, из природы почерпнутая символика, такая понятная и захватывающая, далекая от книжных вычур Малларме и Метерлинка, а тем более их русских последователей, к несчастью извративших грузинскую поэзию в XX веке. Впрочем, надо надеяться, что это еще изживется, как начинает изживаться и в самой России.

В особенности представляется цельным, как поэт, как прямой потомок Руставели, — дальше того — Гафиза и Омар-Хайяма, генерал-адъютант русской службы и кавалер

ордена Св. Андрея Первозванного — князь Григорий Дмитриевич Джамбакуръ-Орбелиани. В сущности — он в поэзии дилетант, а какая свежесть восприятий, какая подлинная образность языка. Но в такой беглой, случайной заметке я не хочу говорить о нем подробно, — это настолько интересная фигура — этот феодал, воин, поэт, влюбленный в свою Грузию русский генерал-адъютант, — фигура настолько историческая, что хотелось бы какнибудь посвятить ему отдельный очерк.

Возвращаюсь к кратким замечаниям о грузинской поэзии прошлого века в русских переводах. В сборнике Тхоржевского напечатан знаменитый «Конь» Бараташвили:

летит мой конь вперед, дорог не разбирая,
А черный ворон вслед злоеющий крик
свой шлет...

Там же имеется и перевод, впрочем недостаточно звучный по русски, и столь популярного стихотворения Акакия Церетели «Болезнь» — опять таки все та же дорогая родина — любимая, поработенная Грузия:

О нет, не умерла она,
Она лишь спит — и вновь проснется, —
Кто хочет вечного ей сна —
Тот смерти сам скорей дождется...

Надо надеяться, что эти строки еще окажутся пророческими, как казались таковыми в годы краткого восстановления независимости в связи с российской гражданской войной и анархией.

Есть также стихотворения Рафаила Эрнстова, кн. Мамия Гურიэли и Важа Пшавела.

Меня лично всегда более пленяли те, где характернее сказалась преемственная связь с персидской лирикой, — повторяю, в этом отношении интересен кн. Григорий Орбелиани-

А вот период краткой политической независимости, которая, казалось бы, должна была дать под'ем, чем он в сущности отмечен?

Молодежь отошла от заветных национальных традиций к путям извращенного русского символизма, полудуфтуризма и всяческих незлых кривляний.

Но, впрочем, тогда из за «орбелиаповских гор» всходила, затмевая небесные светила, уже не та светлая звезда царицы и женщины (Тамары?), которой поклонялись Шота и его преемники, а кровавая пятиконечная звезда марксистских интернационалов.

В. Оленин.

Copyright by Chevket Koundoukh and «Caucase».

Мемуары ген. Муса Паша Кундухова

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ¹⁾

Постыдная битва в Бабуговской станице. — Варварство начальника округа. — Чеченский старшина Майри-Вийбулаз.

В 1858 году в Бабуговской станице некоторые из абазинских казаков, по правилам свято ими чтимаго гостеприимства, приняли на почлег нескольких из непокорных забубанских абазинцев.

Полевое начальство узнавши об этом гостеприимстве донесло высшему начальству, которое, как всегда, пожелало для уничтожения зла увеличить наказание сто раз больше чем по закону следовало и потому приказало сослать из этой станицы двадцать дворов в Россию на всегдашнее жительство! В пример другим!!

Заполучные казаки эти, видя в ссылке своей от незнакомого им климата гибель всем своим семействам, обратились с убедительной просьбою к ближайшему начальству не вступать с ними противно русским законам

и наказать из них только тех, за вину которых наказывают многих невинных.

Начальство, не обращая внимания на справедливую просьбу их и считая ее упрямством, строго потребовало от них: скоро и буквально исполнить приказание высшего начальства, утешая их тем, что гнев царя есть гнев Божий; надо делать то, что приказано.

Когда несчастные жертвы ужасного произвола, после нескольких неудачных их просьб, убедились в неизбежности рока им назначенного, посадили свои семейства на арбы и от'ехавши недалеко от своей станицы остановились на удобном для боя месте. И там не имея ни тени надежды на правосудие написали прошение на имя Главноначальствующего Наместника Кавказа о пощаде невинных душ дряхлых стариков, жен и детей, об освобождении их от ссылки в даль-

¹⁾ См. «Кавказ» №№ 1/25, 2/26, 3/27, 4/28, 5/29, 8/32, 10/34, 11/35 и 12/36.

ние российские губернии и наказания тех, которые сами не скрывая свою вину готовы охотно подвергнуть себя законному наказанию. Прощение это заключили следующими словами: в противном же случае мы все без исключения дали обет: не переселяться в Россию, пока нам не покажут, что ссылка наша есть законная, а не произвольная.

Прощение это они отправили в Тифлис по почте и в ожидании решения судьбы остались там более одного месяца.

На строгие требования начальства отправиться в назначенное им место жительства они отвечали ясно и коротко: «Повезите туда наши тела, а живыми мы не пойдем».

Не помню когда, но кажется в августе месяце был прислан отряд и мученики исполнили в точности свою присягу: все, кроме детей и раненных женщин и то в количестве от шести до десяти душ, пали под картечью и на штыках.

Позорное дело это сильно тронуло и огорчило всех благомыслящих людей. В благородных русских обществах и кружках никто себе не позволял заикнуться об этом ужасном деле. Постыдное дело это произошло близ гор. Пятигорска, где многие из больных приехавших из дальних русских губерний с изумлением и негодованием невольно были свидетелями неслыханного дела, до того их тронувшего, что некоторые из них в тот же день оставили лечение и поспешили уехать в Россию, говоря: — мы, хотя много слышали о проделках кавказского начальства, но к сожалению мало верили, но уж теперь мы, сами к несчастью сделали очевидцами того, чему действительно трудно поверить.²⁾

Несмотря на отзывы и негодование всех благомыслящих русских точь-в-точь такое же

было дело в 1868 году с жителями закубанского аула Кудинетовых, с тою только разницею, что они сами³⁾ просили, по примеру их соотечественников, разрешить им переселиться в Турцию и получивши от начальства согласие продали свой скот и приготовились пуститься в путь до Керча.

Не знаю по чьему приказанию окружной начальник их полковник Догмицов не позволял им готовиться в путь. Черкесы, полагая, что Догмицов делает это из своего каприза, не послушались его и посадив на арбы свои семейства пустились в дорогу.

Окружной начальник, узнавши об этом, живо собрал отряд пеший и конный и с четырьмя орудиями пошел за ними в догонь. Догнавши их приказывал им возвратиться обратно в аул. Черкесы эти обратились с вопросом к своему мулле, что он им посоветует. Полоумный фаватик на вопрос их ответил вопросом:

— Известно ли вам, что русское правительство имеет в виду обратить всех черкесов в свою религию?

— Известно, ответили черкесы.

— Если вы это знаете и останетесь его подданными, то есть ли у вас опасение, что потомство ваше со временем будет обращено в христианство?

— Есть, сказали черкесы.

— В таком случае вернуться назад и остаться русскими подданными значит отказаться от своей религии и добровольно сделаться христианами, — сказал им полоумный и малограмотный мулла.

Черкесы, за исключением одного, который советовал им вернуться назад,⁴⁾ все покля-

3) Хаджи Бабугов, Кондаров, Дохшукли, Адамой Шерихов, Моронкулов, Ихбацев со своими родственниками. — М. К.

4) Жена этого труса Жаиболата Едигова, схвативши шапку мужа, сказала ему: «Жаль, что я до сих пор не знала, что ты ниже всех зем-

2) Факт этот объясняет до какой степени деспотический произвол потрясает душу у самих русских. — М. К.

лись переселиться или умереть. О чем дали знать и начальнику отряда полковнику Догмицову, который арестовавши двух к нему присланных, ничего умнее и легче не нашел, как дать залп из четырех орудий на собравшихся за своими арбами переселенцев. Из среды последних, после сделанного по ним залпа, все конные бросились в шашки и до единого пали в середине отряда. Равно и изла арбы уменьшился ружейный огонь. В это время некоторые из офицеров обратились к недостойному их начальнику с просьбою прекратить огонь и пойти с пехотой на арбы, спасти детей и жен от неминуемой смерти. Сколько они его ни просили и не убеждали, что так требует честь русского оружия, отъявленный трус и изверг Догмицов не согласился, уверяя их, что пешие черкесы скрыли себя в ямах и нанесут пехоте большой урон.

Один из ротных командиров, презирая неуместные и малодушные предосторожности, не спрашивая позволения, повел свою роту и доходя до арб заметил перед ними около нескольких тел одну красивую девушку в белом платье.

Желая спасти ее он бросился к ней, но как только хотел ее схватить девушка, моментально вынула из за пазухи пистолет и наповал убила благородного героя, пожертвовавшего собою ради той особы, от руки которой волею судьбы назначен был конец его благородной жизни.

Несчастная эта девушка улыбаясь была также заволота штыками разъяренных солдат и вместе с телами отца, матери и двух братьев была брошена в одну яму.⁵⁾

ных творений... и рассталась с жизнью в числе других. — М. К.

5) Черкесы просили разрешения похоронить их по мусульманскому обряду, но Догмицев, гордясь своею победой, не внял их просьбе, собрал

За арбами нашли живыми только одну женщину с ребенком. Число павших было 233 души обоого пола.

Здесь справедливость требует заметить, что позорное дело это, кажется, было сделано помимо приказа высшего начальства, иначе бы негодяй Догмицов не был бы прогнан со службы.

Подробности этого сильно трогательного дела, в слезах передали мне переселившиеся из Кубанской области в Турцию кабардинский князь Кайтукин и бесленеевский первостепенный уздень Алхаст Дахшукин, присовокупив, что они написавши всю истину этого дела подали в Константинополе правдивый свой рассказ Сабразаму, который читал был тронут до слез.

Несправедливо было бы оспаривать ту истину, что честность, правдивость и храбрость были отличительными качествами кавказских народов, где каждый человек, стремясь оставить по себе добрую память в среде своего отечества избегал делать то, что по народному понятию считается стыдом.

К большому несчастью правительство ложно призвало эти качества вредными своим видам и не только не поощряло их, а напротив того к большому стыду и вреду своему, сильно их преследовало и тем, вооруживши против себя всех благородномысливших туземцев, наделало много и много зла краю и России.

Доказательством сему я, из множества бывших плачевных дел, помещаю только те из них, которые случились в мое время и более врезались в мою память.

Например. В Большой Чечне старшина Майри Бийбулат своим личным достоинством успел соединить около себя всю Чечню

все тела и возле одной из станций на Лабе (Костромской) бросил их в две ямы. — М. К.

и твердо держа сторону справедливости, часто по народным делам обращался к ближайшему русскому начальству, которое, согласно своей политике, употребляя в дело обман, на словах желало и обещало ему много добра, а на самом деле оказывало большое пренебрежение к обрядам, обычаям и справедливым просьбам чеченцев.

Вследствие чего Майри-Бийбулат окончательно потерявши терпение и доверие к русским, посоветовал народу восстать и силою оружия требовать от русских управлять чеченцами по народному обычаю, а не по произволу местного начальника.

Таким образом, начались враждебные действия между русскими и чеченцами.

В 1818 году главнокомандующий кавказскими войсками генерал Ермолов, заложив крепость Грозную, двинулся с сильным отрядом в Большую Чечню в аул Майртуд, где двум чеченцам предложил 300 червонцев за голову Майр-Бийбулата.⁶⁾

Чеченцы, отказавшись от коварного предложения Ермолова, немедленно дали знать об этом Майр-Бийбулату. Но к немалому удивлению этих чеченцев Майр-Бийбулат на место того, чтобы порицать Ермолова, был чрезвычайно обрадован намерением главного начальника края и подаривши чеченцам по одной хорошей лошади отпустил их домой.

Скоро вслед за сим он попросил к себе народного кадия со всеми членами народного махкеме (суда) и обратился к ним так:

— «Я сегодня перед приходом вашим составил план выгодного мира или вечной войны с русскими. Если только народ верит тому, что я из любви к нему и к его свободе готов пожертвовать собой, то прошу уполномочить меня на исполнение задуманного

мною плана и не дальше как завтра вы все будете знать, что угодно Богу: мир или война».

— «Ты не раз доказал народу, ответили члены суда, что готов умереть за него и потому Чечня тоже всегда готова без малейшего возражения исполнить все то, что ты найдешь для нее полезным».

Бийбулат поблагодарив их приказал, чтобы все конные и пешие ополчения на всякий случай были готовы к бою.

Между отрядами ген. Ермолова и чеченскими сборищами было расстояния не более пяти верст.

В ту же ночь из передовой русской цепи дали знать главному караулу, что трое лазутчиков имеют сказать весьма важное дело лично главнокомандующему. Караульный офицер доложил об этом состоявшему при корпусном командире по политическим видам полковнику кн. Бековичу-Черкасскому, а он ген. Ермолову. Скоро лазутчики эти с кн. Бековичем и с переводчиком вошли без оружия в ставку Ермолова. Один из них тщательно окутавши голову башлыком обратился к нему (через переводчика) со следующими словами:

«— Сардар! Я слышал, что вы за голову Бийбулата отдаете 300 червонцев. Если это справедливо, то я могу вам услужить и не дальше как в эту ночь голова Бийбулата будет здесь перед вами не за 300 червонцев, а за то, что вы из любви к человечеству забываете бедный чеченский народ и ваших храбрых солдат от кровопролитных битв».

Ермолов будучи удивлен и заинтересован словами бойко и твердо выходящими из под башлыка, спросил его, кто он такой и каким образом он может исполнить все, что он говорит и обещает.

— «Прошу вас не спрашивать, ответил лазутчик. Вы узнаете меня, когда я пред-

⁶⁾ Майр по чеченски значит храбрый. — М. К.

ставлю вам голову Бийбулата».

Ермолов еще сильнее заинтересованный жадно ловил слова лазутчика и желая хоть рошенько понять его спросил:

— Сколько же червонцев он хочет за голову Бийбулата?

— Ни одной копейки, ответил лазутчик.

Ермолов и любимец его Бекович взглянули друг на друга с недоумением. Ермолов с проницательной улыбкой, назвавши этого чеченца небывало бескорыстным лазутчиком потребовал от него сказать решительно и откровенно его желание.

— Мое желание, продолжал тот, состоит в том, чтобы вы, получивши в эту ночь голову Бийбулата, завтра или послезавтра повернули свои войска обратно в крепость Грозную и там, пригласивши к себе всех членов народной махемы, заключили с ними прочный мир на условиях, что отныне русские не будут строить в Большой и Малой Чечне крепостей и казачьих станиц, освободили всех арестантов невинно, содержащихся в Аксаевской крепости и управляли ими не иначе как по народному обычаю и по шарияту в народном суде (Махеме). Если вы, сардар, согласитесь на сказанные условия и дадите мне в безотлагательном исполнении их верную поруку, то прошу вас верить и тому, что голова Бийбулата будет в эту ночь здесь. Но повторяю вам не за деньги, а на вышесказанных условиях.

— Не правда ли, мы имеем дело с весьма загадочным человеком, заметил Ермолов любимцу своему Бековичу.

— При всем моем желании, сказал Бекович, я не верю ни одному из его слов.

— Чем черт не шутит, сказал Ермолов, чем меньше мы ему будем верить, тем больше он нас обрадует, если, сверх ожидания нашего, через несколько часов он явится к нам с головой любезного нам Бийбулата.

— Скажи ему, приказал Ермолов, все, что он желает есть благо народа и потому я охотно соглашаюсь с ним, пусть только скажет, кого он хочет иметь порукою.

— Честное слово сардара Ермолова и милость царя Александра, сказал лазутчик.

— Пусть будет так, заключил Ермолов и протянувши ему руку: вот тебе моя рука и с нею даю тебе честное слово, что получивши от тебя голову Майри-Бийбулата, нарушителя спокойствия целого края, исполню с большим удовольствием все то, что между нами сказано и кроме того народные кадни и достойные члены суда будут получать от правительства хорошее содержание; а тебя как достойного щедро наградит царь.

Теперь, продолжал Ермолов, я свое кончил, также требую от тебя, как истинного мусульманина верную присягу на Аль-Коране, что ты исполнишь в точности свое обещание.

Лазутчик, не выпуская руку Ермолова, благодарил Бога, назвал себя чрезвычайно счастливым, что надежда и ожидания его совершенно оправдались и что чеченцы избавлены от разорительной войны; затем выпустив руку Ермолова сказал:

— Теперь вам, сардар, присяга моя не нужна и (снявши башлык) вот вам голова Бийбулата. Она всегда была готова быть жертвою для спокойствия бедного чеченского народа. Поручаю себя Богу и Его правосудию.

— Он сам!.. он сам!.. — воскликнули одновременно в изумлении Бекович и переводчик.

— Да кто же он? — поспешно спросил Ермолов.

— Сам Майри-Бийбулат, Ваше Высочайшее превосходительство, ответил Бекович.

Муса Кундухов.

(Продолжение следует)

Л и р а н

(О к о н ч а н и е) ¹⁾

Наверно уж так Бог захотел, что когда гость выздоровел и хотел уезжать, грусть и тоска овладели сердцем Лехан. Заметил это Муса-тогь и спросил ее: «что с тобою Лехан? Почему прекрасное лицо твое побледнело, почему глаза твои ясные как звезды на небе, затуманились? Почему не поешь ты радостных песен? Что с тобою? Скажи мне и я все сделаю, чтобы ты была счастлива. Ты приняла меня как брата, вылечила мою рану и дала мне счастье видеть тебя столько дней!! Скажи же мне что печалит тебя?»

Люди в то время были чистые, правдивые. Ложь и притворство еще не отравили сердце человека и Лехан глядя в глаза Мусе, сказала:

— Нет у меня ни братьев, ни отца и приходится мне с матерью пользоваться защитой наших храбрых воинов (да сохранит их Бог от ран и поражений!). Тихо шла моя жизнь, но Господь прислал тебя к нашему бедному дому усталого, больного и я ходила за тобою и твоим конем и был ты для меня как брат. Великая радость была в сердце моем, когда я замечала, что жизнь возвращалась в тело твое. Но не знаю, что случилось со мною. Чем больше заживала рана твоя, тем больше грусть овладевала мною. Вот ты теперь здоров, конь твой отдохнул, седло и оружие вычищены и думаю я о том, что уйдешь ты к своим, к матери, к сестре, а я останусь здесь одна и не будет у меня брата и кажется мне, что бедная сакля матери моей будет как будто без крыши.

— Слушай меня, Хани, — сказал ей Муса, — я воин, богатства у меня нет. Есть только мой конь, шавша, да лук с колчаном, но сердце мое твердо, рука не дрожит, глаз мой верен. Родные мои умерли и я один на свете. Верь мне, клянусь тебе, Святой Матерью Иссy, что я пойду в Солох аул и когда будет «джемаат» ²⁾ попрошу стариков дать мне место для сакли, в которую войдешь ты как моя жена, дорожке которой мне ничего на свете нет и не будет. А пока, отнеси дары в маленькую «джамаз» ³⁾ Мариам, Матери Иссy и помолись ей о нашем счастье. Она сама женщина и мать и поймет тебя.

— Да будет благословенно святое имя Мариам. Я сделаю как ты сказал Муса, — ответила Лехан.

Большой и богатый аул Солох. Тенисты его сады, обширные пастбища. Табуны лошадей, стада скота, коз и овец свободно пасутся по горам... Женщины искусны и трудолюбивы. Какие ковры и ткани из шерсти делают они!! Мужчины храбры и гостеприимны.

Конь Мусы отдохнул и бодро нес своего хозяина на разукрашенном седле. Сердце Мусы радостно билось и пел он песню и горам, и идущей весне и яркому солнцу. В брод переехал Шахэ и поднявшись на гору въехал в аул. Отдохнув, попросил собрать «джемаат». Выслушали старики его просьбу и согласились его принять.

— Что же! Земли много, вода в Шахэ для

¹⁾ См. «Кавказ» № 11/35.

²⁾ «Джемаат» — сход, собрание.

³⁾ Часовню.

всех найдется, лес для огня тоже есть, а остальное Муса джигит сам достанет. Хом гелды⁴⁾). Храбрым всегда место есть. Выбрал себе Муса землю на берегу Шахе, построил савану и начал собирать товарищей, чтобы с почетом привезти Лехан в новое жилище. Съездил даже с джигитами через перевал к Карачаевцам, с которыми у Убыхов были старые расчеты, пригнал скота и два вьюка разного добра. В общем, все шло как по маслу, да вдруг случилась беда. Там, где Шахе вливается в море, росло тюльпан дерево. Кто посадил его и когда, никому неизвестно, но только под этим деревом жил громадный, крылатый змей с четырьмя лапами. Купал этот змей раз в год, но только человеческое мясо. Да ни какоенибудь там мясо старика или старухи, а только молодой красивейшей девушки. И вот, когда Муса возвратился из Карачая, застал он жителей Солох аула в большом смятении. Человек, который змею прислуживал, пробежал по аулам, требуя жертву своему гвастелину. Убыхи, хотя они и были храбрые против людей, подчинялись требованию змея. Что же поделаешь с чудовищем?

Собрались «джемаат» не только из Солоха, но и из других аулов. Долго судили старики. Кого-ж послать? Каждый кричит, что большего урода, чем его дочь, и в мире не найти, ну, а другие, конечно, понимают, что каждому жалко свое дитя, тоже не настаивают. Кому-ж принять кровного врага нажить?! Ну судили-рядили, а змей не ждет. Второй раз змею слуг по аулам бежит, жертву требует. Был тут на «джемаате» один торговец оружием. Вот он то и посоветовал послать змею в жертву красавицу Лехан. Злой дух ослепил стариков; забыли они, что нельзя обижать слабых и беззащитных, а как раз воспользовались этим и решили послать Лехан на съедение змею.

Улыбнулся оружейник, сделал вид, что поражен мудростью стариков и скрылся из вида... Ну дальше что-ж? Послали людей за Лехан к ее матери. Ну, конечно, знаете, как женщины: шум, слезы, плач. Плакала старуха, плакала Лехан... Старики уговаривают. Что-ж, мол, умирать то ведь когданибудь нужно, а если ты не пойдешь сколько змей беды наделает? Уговорили таки. Обрядили Лехан в богатые одежды, надели парчевый каптал⁵⁾, золотые браслеты и кольца на руки. Волосы стянули золотым обручем. Дали три дня срока до отправления к змею с большими почестями возили по аулам, исполняя каждое желание. Горько плакала Лехан и в отчаянии пошла помолиться в маленькую «джаме» св. Мариам под горой. Пока молилась она, поднялась страшная буря. Молния, гром, дождь прямо как водопад... Убас! А Лехан все молится. Страшный удар грома потряс «джаме» и Лехан упала как мертвая. И видится ей, что Мать Исы, молодая такая, добрая, с Младенцем на руках, идет к ней и говорит: «не плачь, Лехан, не умрешь ты. Мой Сын победил смерть своими страданиями и кто помнит о Нем, тот не умрет».

Узнал Муса о постановлении «джемаата», сел на своего верного коня и поехал вниз по ущелью, к морю. Едет, а сам думает свою горькую думу. Стариков послушаться нельзя. «Джемаат» святое дело. Как же защитить Лехан от змея? Змея никто не видал, выдали только его прислужника, страшного, одноглазого, — нос крючком, весь оброс волосами, «шайтан» — да и только. Говорили также старые люди, что когда зацветет тюльпан-дерево, конец власти змея.

⁴⁾ Хом гелды — добро пожаловать.

⁵⁾ Каптал — чер-женская одежда, род бешмета.

Вот уже недалеко море, — наступает ночь. Страшное, проклятое место, — болота, заплетенные колючками, нестерпимая вонь от гниющих деревьев. Это — владения змея. Даже днем люди обходили это место.

Начал Муса молиться. Долго и усердно молился он. Горе давившее сердце Мусы постепенно уходило от него и луч надежды блеснул в его измученной душе. Наконец, первые лучи солнца озарили землю. Верный конь Мусы стоял рядом, понурив голову. Чувствует конь горе хозяина. Вдруг насторожился конь, поднял голову... Насторожился и Муса. Видит идет оружейник, по горке, где теперь индейский телеграф, и в красную свою бороду ухмыляется. «Ах, шайтан, ведь это он к змею прислужнику ходил».

Прошел оружейник, не видал Мусу. Пошел Муса к тому месту, где прошел рыбебородый. Смотрит — тропинка. Взял Муса своего коня и пошел по тропинке. Дошел до моря и засел в кустах. Просидел до вечера, а сам все молится. Видит к вечеру начинает гроза собираться. Небо покрылось тучами, тьма надвигается. Пошел дождь... Гром, молния. И увидел вдруг Муса при блеске молнии, идет опять оружейник и идет в самое страшное место: к тюльпан дереву. Выхватил Муса шашку, да за ним... Верный конь по пятам идет, как собака. Там подошли к дереву, а там слуга змея стоит дожидается. Бросился Муса на прислужника и ударом шашки отрубил его проклятую голову, а потом начал биться с оружейником. Долго бились они... Некусный боец был оружейник, но потому, что возился, он с нечистой силой, Бог помог Мусе и пал его противник, сраженный шашкой. Бури ревет, гром, дождь... Море бушует. Только покинул Муса с оружейником, подбежал к нему его верный конь; дрожит от страха, жмет к хозяину... А Муса в бою разгорелся, хоть

еще сто врагов подавай. Вдруг оглянулся Муса и видит при свете молнии: обвился змей вокруг тюльпан дерева и спускается — подползает к нему. Вскочил Муса на коня, бросился на змея и началась битва. Долго бились они... Отрубил Муса у змея лапы, одну за другой, крылья переломал — порубил. Змей все наседает. Погиб бы Муса, да верный конь выручал. Только змей нацелился, хочет обхватить Мусу с конем, конь увернется в сторону, змей мимо, а Муса его шашкой. Так в бою и не заметил, как на берег моря вышли. А море бушует, камни ворочает. Перед утром выколол Муса змею глаза, изранил всего. Кровью истек змей, а все на Мусу напирает, да со слепу поймать не может. Измучился Муса, конь еле ноги волочит... А змей все мечется, да со слепу не разобрался, подполз близко к морю, налетела на него волна и унесла в пучину. Солнце стало подниматься. Хотел Муса возблагодарить Бога за победу, да сил не хватило. Упал как мертвый, а рядом повалился в бессилия его верный конь. Бури успокоилась, гроза пронеслась. Вместо ночи настал яркий солнечный день.

Очнулась в маленькой «джамэ» бедная Лехан. Мать и женщины возле нея стоят и плачут. Бури унялась. Последний день жизни Лехан начался. Привесали ее женщины, нарядили как невесту, посадили на коня и повезли к тому месту возле моря, где ущелье Шах делается широким, где накануне молился Муса.

Едут по аулам, навстречу люди выходят, присоединяются, провожают с плачем. Пришли к месту, где змея слуга должен был взять бедную Лехан. Ждут. Никто не приходит. Высоко солнце на небе поднялось, а все никого нет. Смотрит в смертной тоске вокруг себя Лехан... Хочется ей хоть посмотреть на

Мусу, но не видно его среди удалых молодцев.

«Ах Муса, Муса, думает Лехан, тяжело мне умирать не увидав счастья, но еще тяжелее думать, что убух-джигит слово дружбы забыл и нарушил».

Вдруг один старик к глазам руку приложил чтоб лучше видеть, и радостно-громко закричал:

«Смотрите! Задвел тюльпан. Значит змей издох. Благословенно имя Победившего смерть!

Обрадовался народ. Поехали молодые джигиты к берегу моря. С большим трудом добрались. Шашками лавы рушили. Увидали они на берегу Мусу, всего в крови, кольчуга помята, рядом конь лежит, в руке шашка зажатая. А под цветущим тюльпаном — два трупа валяются: оружейника, да слуги змея. Тут же и ланы змея нашли. Место все вокруг истоптано и кровью залито. Поняли люди, что великий бой был здесь. Просмотрели Мусу, думали мертвый, но увидали, что он дышит, только глаз не открывает. Нарубили ветвей, сделали носилки и с великим почетом понесли на гору, к ожидавшему народу. Вслед за Мусою шел его, кое как отдохнувший, конь. Принесли к народу, бережно положили на разосланных бурках, сняли кольчугу, разстегнули бешмет. Подошли старые люди, которые умели и раны лечить и кровь останавливать. Ничего не могут поделать! Лежит Муса как мертвый. Подошла Лехан к Мусе, стала на колени и со слезами просила прощения за то, что усомнилась в верности его дружеского слова. Капали ее слезы на его открытую грудь и одна ушла прямо на сердце. Открыл глаза Муса-джигит, посмотрел вокруг себя с удивлением, будто сам не свой.

Старики спрашивают его: «что с тобой, Муса?», а он им отвечает: «чуждый сон я видел: будто воин один в золотых доспехах, на

белой лошади подъехал ко мне и сказал...» Муса остановился. Слаб был еще. «Что-ж он тебе сказал?», допытываются старики, «скажи нам, Муса!»

«Сказал он мне, что Вера, Дружба и Любовь, могут победить все». Радостно закричал народ... Мусу понесли в аул, а вслед за ним Лехан вела его верного коня. Возле сакли Мусы остановились и он еще слабым голосом сказал, обращаясь к Лехан: «Войди в мою саклю и будь моею перед Богом и людьми!»

Большая радость была у народа. Пировали несколько дней... Устраивали скачки, стрельбу из луков. Пленных отпустили на свободу, чтобы и они в их домах рассказали о виденном чуде. Мусу джигита народ выбрал узденем. Благодарные убухи, бывшие тогда христианами возле тюльпан дерева построили красивую «джамэ» во имя матери пророка и мой отец еще видал ее развалины, а после, когда пришли уруссы, то построили из этих развалин, там же, под тюльпаном, маленькую крепость, остатки которой вы можете видеть и теперь.

Узденя Муса жил сто лет в мире и сласти и умирая завещал народу быть «твердыми в вере, верными в дружбе и постоянными в любви».

Из животных, которых надо жалеть всех, больше всего надо любить лошадь. Аллах акбар, да будет по святой его воле.

Давно это было, но стоит еще тюльпан дерево в ущелье Шахэ, чтобы напоминать людям о милостивом чуде Божием, который дал силу и храбрость человеку победить злого змея, в котором сидел сам «шайтан».

Александр Диановский.

Обзор печати

ПОЛЬСКАЯ ОЦЕНКА КАВКАЗСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Статья проф. О. Гурка — «Роль людей и условий при создании восточной Европы XX века», появившаяся в польском журнале «Вехуд», органе варшавского Восточного Института, касающаяся, довольно подробно, и истории возникновения и падения кавказских республик (о ней говорится в статье Ш. Амиеджиби) не могла не задеть и «Прометеевского фронта».

Прежде всех откликнулся журнал «Северный Кавказ», который и дал русский перевод польской статьи.

«Помещая статью в нашем журнале, говорит горский журнал, считаем нужным отметить, что нами вполне разделяется основной тезис, подчеркнутый д-ром Гурка при разборе недавней кавказской действительности: причину недавних неудач кавказской освободительной борьбы надо искать прежде всего в нас самих — в людях и субъективных условиях кавказской действительности, а не объяснять все неблагоприятным стечением, так называемых объективных обстоятельств. Некоторая схематичность и обобщения, допускаемые автором при высказывании своих мыслей, не меняют сути дела: историю творят прежде всего люди и только потом условия, которые являются скорее фоном, где исторические персонажи разыгрывают события».

Это все, что говорит журнал, и нам это понятно. Д-р Гурка сам делает исключение для «людей» Северного Кавказа, а персонажи редакции не были даже «людьми» тогдашних северокавказских событий. Отсюда и та легкость, с которой редакция воспринимает идеи польского профессора.

Другое дело «прометеевские» муссаватисты, и тот же «Северный Кавказ», в следующем номере, с неменьшей легкостью печатает статью г. Азери, ведущего с проф. Гурка довольно пространную полемику.

Роль личности в истории, конечно — да! «Одно упоминание гениальных имен маршала Пилсудского и Ататюрка кажется достаточным, чтобы доказать значение человека в решении судьбы народов» — говорит г. Азери. География и англичане — тоже! Но все же «печально сложившаяся для Кавказа обстановка, само собою понятно, сыграла решающую роль в событиях 27 апреля 1920 года в Баку».

«Исторически известно и документально доказано, что турецкие эмигранты, пользующиеся гостеприимством Азербейджана, согласно директивам из Анкары, сыграли печальную роль в деле советизации Азербейджана».

Была, в числе других, и одна еще «объективная» причина — это то, что старая Россия из недоверия к мусульманам не брала в армию азербейджанцев и в момент провозглашения независимости они не имели готовых военных кадров, как, например, грузины и армяне.

В общем, личность-личностью (слава маршалу Пилсудскому и Ататюрку!) люди-людьми, но, чтобы «советизироваться», по мнению г. Азери, у Азербейджана было достаточно «объективных» причин. Во всяком случае, Грузия «несомненно находилась в более выгодных условиях», чем Азербейджан.

«Грузины, говорит г. Азери — после поляков, были вторым народом в б. России, имеющим многочисленных представителей

во всех отраслях общественно-государственной жизни империи. Они отбывали воинскую повинность, имели кадры высококвалифицированных офицеров и государственных чиновников. Но государственно-историческая жизнь этой маленькой православной страны сложилась так, что традиция Ираклия II, грузинского царя, находящего спасение в протекторате России, продолжалась в виде ориентации общественных кругов этого народа на российскую общественность, в частности на революционный социализм. Видные деятели российской социал-демократии, как известно, были уроженцами Грузии, и разрыв с великой Россией психологически для них являлся не легким.

Представление о Юге, как об историческом недруге, и о Севере, как о христианской в старину и демократически-социалистической в перспективе стране, еще не было окончательно изжито грузинами.

Можно сказать, что грузинская революционность еще не успела, как следует, загореться национальным огнем.

Так рассуждает г. Азери о Грузии. В общем, пресловутый «Совет Кавказской Конфедерации», видимо, построен по принципу — подкидывать соседу все, что есть постыдного и неприятного у всех.

Если г. Азери вину советизации Азербейджана возлагает на Турцию, то видимо и газете «Брдзолис Хма» позволительно всю вину советизации Грузии и всего Кавказа возложить на Англию.

«В 1920 году осенью, говорит «Брдзолис Хма», английский премьер Ллойд-Джордж подписал договор с посланником Москвы Красиным, второй пункт которого заявлял о незаинтересованности Англии в делах Закавказья. Этим самым наша страна очутилась в сфере России. Наши и английские пути разошлись. Этот важный фактор был направлен против нас».

Вот и все. Люди, оказывается, не при чем, не при чем здесь даже Ллойд Джордж и Красин, которые заключили между собою этот договор, точно он сам собою заключился. О

том, что быть может и Закавказье могло заключить договор с Ллойд Джорджем, — об этом меньшевики не подумали тогда, не думают, конечно, и теперь. Но беда не в этом. Беда в том, что статья проф. О. Гурка дала «Брдзолис Хма» повод воскресить хоть на один помер довоенный бедлам русских марксистов и эс-эров и снова заспорить о том, кто делает историю: личность или «объективные условия». Но в нашу эпоху ярких исторических фигур, так могут спорить только люди, которые и не были никогда личностями. История давно прошла мимо них, и печальным субъектам нашего недавнего прошлого только остается уткнуться в «объективизм» истории...

ДИАЛОГ АНДРЭ ЖИДА И ТРОЦКОГО

Распространенная парижская газета «Жур» сопоставляет, якобы в диалоге, подтверждающие одна другую фразы из недавно опубликованных книг Троцкого и Жид — «Измена революции» и «Возвращение из СССР». Один из столпов российского большевизма, ныне изобличающий измену Сталина, и столь увлекавшийся российском опытом, французский писатель Андрэ Жид, оба сейчас, дополняя друг друга, вскрывают «московский обман» в своих пашумевших книгах.

«Это приходится признать, — говорит Андрэ Жид, — нет никакой свободы мысли в СССР. Население держат в полном неведении».

«Конечно, подтверждает Троцкий: всем руководит ГПУ. Школа, именуемая социалистической, совершенно деморализована системой шпионажа, — только, это и преподают. Вот почему миллионы и миллионы коммунистической молодежи не выдвинули ни одной крупной личности».

«Поразительно, — замечает Жид: сколь-

ко там вырабатывается негодного, бракованного материала».

«Еще-бы, — дополняет Троцкий: 80 процентов числа тракторов — этой гордости советского производства — требуют сразу капитального ремонта. Из ста камионов по крайней мере 45 всегда в починке. В Америке они пробегают 80 тысяч и даже 100 тысяч километров, а в СССР — 20 тысяч».

«А заработки, — продолжает Жид: я поражен их неравенством».

«Разрешите привести цифры, — вмешивается Троцкий: нормальный заработок советского рабочего 3.500-4.000 франков в год. А привилегированные техники и «стахановцы» получают и по 2.000 рублей в месяц, не говоря уж о бюрократии, о чудовищном неравенстве окладов этого самого

многолюдного в стране класса».

«Есть брошенные дети», с горечью констатирует Жид.

«Беспризорность детей, явная или официально не отмеченная, — это самое распространенное бедствие советского быта», — подчеркивает Троцкий.

«Но все-же, к счастью», — вздыхает Жид: «есть детские сады».

«Поговорим об этом, посмеивается Троцкий: большинство садов существует для детей привилегированных лиц, а не для беспризорных».

Этот диалог двух «разочарованных» можно было бы по мнению газеты продолжать до бесконечности, если есть охота внимательно проглядывать обе книги.

ХРОНИКА

— Комиссаром легкой промышленности Азербайджана назначен Ибрагимов Надир Багир оглы.

— За «очковтирательство» снят с должности Дебир Саидов, комиссар земледелия Дагестанской республики; он выгнан из партии и, по слухам, арестован. Наш корреспондент, передающий это известие, отмечает также, что по циркулирующим на местах сведениям, Важмуддин Самурский (Эфендиев), секретарь комитета партии в Дагестале, вновь в опале: его обвиняют в тенденции к саморекламиранию и к «пряткости», выходящей за пределы «нормальной» большевизской деятельности.

— Грузинский драматург Гердель Баазов (!) написал новую «оптимистическую» пьесу «Ицка Роминашвили», которая идет в театре имени Марджанишвили. Сюжет — тот же: самодержавие, японская война, рево-

люция и пр., оснащенный большевизской руганью по адресу религиозных обрядов.

ТУРЕЦКИЕ ЗАКАЗЫ В ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ

По сведениям ТАСС, турецкий министр народного хозяйства Джелал Байар подписал на днях договор с представителями германской фирмы Крупп на постройку 7 кораблей, судостроительных верфей и станций в Босфоре.

Газета «Акшам» сообщает, что в Германии начата постройка 4 больших подводных лодок новейшего типа, заказанных Турцией.

По сведениям агентства «Италия», Турция закажет в ближайшее время в Италии несколько военных кораблей. В виде компенсации, за этот заказ несколько итальянских обществ обязуются закупить в Турции значительное количество хрома и угля.

Библиография

ИВАН ДЖАВАХИШВИЛИ. *Экономическая история Грузии.* Книга I, стр. V-430. Второе издание. «Грузинская Книга», Тифлис, 1930. Книга II, стр. XX-708. Второе издание. Тифлис, 1934. Книги снабжены картой и рисунками.

Фундаментальный труд грузинского историка Джавахишвили вышел, пока, в двух томах под названием «Экономическая история Грузии». Это совершенно заочно переработанное и значительно дополненное издание, впервые появившееся в 1907 году. Автор в целях точности и основательности обратился лишь к материалу, не вызывающему сомнений. Главным образом он использовал материал, имеющийся с IX века нашей эры. Он ограничился первоначально лишь вопросами, касающимися землевладения и земледелия. Впоследствии он еще больше расширил материал и потому переработал свое раннее исследование. — Предварительно, раньше чем приступить к оформлению этого труда, грузинский ученый издал на грузинском же языке следующие книги, имеющие тесную связь с рецензируемым сочинением: Старогрузинские исторические письменные памятники, Историю грузинского народа, Грузинскую нумизматику, Грузинскую налеографию и Историю грузинского права. — «Экономическая история Грузии» — это лекции, читанные автором в грузинском университете, основание которого в Тифлисе стало возможным по политическим условиям лишь в 1918 году 26 января, после второй российской революции. Чтение этих лекций заняло время вплоть до 1927 года. Джавахишвили подверг подробному рассмотрению попавшие ему в руки источ-

IVANE DZAVAHISVILI. *Sakartvelos ekonomiuri istoria.* Dzioni I. S. V-430. Meore gamotsema. «Kartuli Dzioni». Tiflis, 1930. Dzioni II. Meore gamotsema: S. XX-708. Tiflis, 1934.

ники. Источниками его исследовательской работы послужили прежде всего почти все имеющиеся в огромном количестве рукописи, исторические памятники и книги на грузинском языке вплоть до пресловутой поэмы Гарсевана Чолокашвили, известной под названием «Хвала Плодам». Особенно в отношении терминологии оказал ему большую услугу знаменитый грузинский толковый словарь Сулхана-Саввы Орбелиани, писателя, баснописца и чрезвычайного посла грузинского царя Вахтанга III в Европу. Затем использован материал, заключающийся в сочинениях древних классических писателей, как-то Геродота, Страбона и др. Значительные данные для своей работы Джавахишвили отыскал и в описаниях иноземных путешественников, в разное время посещавших Грузию и Кавказ. В этом отношении надо отметить записи русских посланников Толочанова (1650 г.), Бурнашева и многих других. Но самый обильный материал грузинский ученый почерпнул у посетившего причерноморские страны D. Johan Anton Güldenstädt'a в его знаменитом сочинении *Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge 1787 u. 1791*. Названный путешественник заносил в свои записи изумительно добросовестно, а также достаточно точно названия растений и животных, встреченных им во время своих странствий и все, что касалось этой флоры и фау-

ны, и что особенно обращало внимание просвещенного путешественника. Грузинский исследователь не ограничился только этим материалом, он добросовестно ознакомился с сельским хозяйством и его развитием и у соседних с Грузией народностей не только в пределах Кавказа, но и за его пределами. — Поэтому труд Ивана Джавахишвили вышел колоссальных размеров. Джавахишвили собрал почти всю грузинскую терминологию, относящуюся к предмету его исследования — сельскому хозяйству Грузии, привел ее в соответствие с терминами, употребляемыми соседними народами, и в особенности с установленной научной греко-латинской терминологией. Автору труда хотелось изучить не только грузинское сельское хозяйство, но и всю грузинскую экономику — все этапы развития хозяйственной техники и знания в Грузии. Но он отлично сознает, что это не под силу одному человеку. Итак уже ему пришлось вторгаться в чужую область. Ему — историку-языковеду — пришлось выполнять то, что входит в сферу обязанностей специалистов-агрономов, не доделавших своей исследовательской работы. С сокрушением сердца Джавахишвили говорит, что прошлое грузинского хозяйства не было изучено ни с точки зрения ботанической, ни с точки зрения вообще агрономической. Автор исследования жалеет и о том, что и археологи не выполняли своего долга — не обращали внимания на собиранье и хранение находимых во время раскопок старых хозяйственных орудий и разных предметов, составляющих бесценный научный материал. В историю общечеловеческой культуры каждый специалист обязан вносить свою лепту — и историк, и археолог, и ботаник, и зоолог, и всякий другой научный работник. Вследствие недостатка специальных исследований грузинский ученый не смог включить в область своей

огромной по объему работы обзорные сравнительных данных виноградарства в Персии и Аравии, а также разведение диких животных и растений. Если бы все недостающие данные были налицо, то, по мнению Джавахишвили, все суждения и выводы могли быть основательными и бесспорными.

Тем не менее автор при наличии добытых им данных излагает детально историю распространения в Грузии растений, животных и различных сельско-хозяйственных орудий, устанавливая подчас точно время появления их в обиходе грузинской хозяйственной жизни.

В первой книге автором отводится место рассмотрению источников, находившихся у него в пользовании, общей части сельского хозяйства и полеводства. Разработку же вопросов о населении, об их социально-экономических отношениях, о гражданском строе, о торговле и промышленности, о государственном и корпоративном хозяйстве и о финансах исследователь откладывает на будущее время.

Во второй книге Джавахишвили отвел место виноградарству и закончил полеводство. В эту книгу, для выпуска которой по удостоверению автора, сложились неблагоприятные технические обстоятельства, к горькому его огорчению не попали отделы виноделия и пловодства.

Во второй книге, подобно первой, в коей изложена подробная история каждого растения, приводится описание разного вида сортов виноградной лозы. Грузинские сорта виноградной лозы проникли далеко за пределы Грузии. На Кавказе они были восприняты, например, немецкими колонистами Екатеринфельда, Елизаветтала, Александерсдорфа, Мариенфельда, Петерсдорфа, созданных в первой половине прошлого столетия. Они освоились даже с грузинскими наименованиями. Грузинские сорта виноградной лозы проникли и во Францию. — Нет ничего удивительного

тельного, — народы имеют не только культурно-политическое, но и культурно-хозяйственное общение.

Г. Д.

НОВАЯ КНИГА О КАВКАЗЕ
НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

C. AGRATI «Caucaso Bolscevico». Милан, 1937. Издательство «Pro Familia», 216 стр., иллюстр., 7 лир.

Автор этой книги, итальянец из Милана, побывал на Украине и на Кавказе, как турист и наблюдатель. Аджаристан и Батумская

область описаны в деталях. С болью в сердце отмечает автор монотонность, однообразие социальной жизни солнечного Кавказа. Тифлису отведена специальная глава (IX); она рисует убогую картину современных нравов столицы. Вместо «рая», заключает автор, — ад кромешный, вместо свободы — зависимость (политическая, моральная, материальная). Печальные условия жизни, пропаганда, основанная на лжи, банкротство идеи, бедность и анархия, недоверие к собственным силам — вот результаты коммунизма (стр. 215).

Ш. Б.

Неаполь.

Открыта подписка на 1937 год на ежемесячный журнал

4-ый год
издания

„КАВКАЗ“

4-ый год
издания

Орган Независимой Национальной Мысли

Условия подписки:

	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
Во Франции	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В других странах	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адрес Редакции: Mr Naïdar Bammate, 10, rue de Pléto Paris (15).